

ДРУГИЕ
МИРЫ

Ольга Куно

ЧУДОВИЩЕ
И КРАСАВЕЦ

Annotation

Иногда кажется, что против Даны Ронен ополчился весь мир. Ей отказывают в работе, ее обвиняют в ведьмовстве и даже чуть не казнят за преступление, которого она не совершала. Причина в проклятии злой ведьмы, наградившей Дану крайне непривлекательной внешностью. Найдется ли на свете человек, который сумеет разглядеть красивую душу под уродливой оболочкой?..

Чудовище и красавец (сборник)

Ольга Куно

© О. Куно, 2017

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Чудовище и красавец

— Дана, я пригласил тебя сюда, чтобы сообщить пренеприятное известие.

Дорон отвел виноватый взгляд и нервно поерзал на стуле. Не оттого, что тот был неудобен, хотя это, конечно, правда: чего еще можно ожидать от предмета мебели, сколоченного на скорую руку из не пригодившихся при строительстве досок? Но нет, мой собеседник и непосредственный начальник, крепкий пятидесятилетний мужчина со смуглой кожей и обветренным лицом, был человеком неизбалованным и на подобную ерунду внимания обычно не обращал. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке из-за содержания предстоящего разговора, и это заставило меня здорово напрячься. Поскольку догадаться, что последует за таким предисловием, было нетрудно.

— Так вот... — Дорон неудачно повернулся и задел локтем горшок с геранью, который в результате чуть не свалился на пол. Однако чахлый цветочек с бледно-розовыми лепестками все-таки удержался на месте, чем в очередной раз доказал собственную живучесть. Поднимавшаяся со стройки пыль, жара и редкий полив (хозяин крошечного кабинета и без того вечно крутился, как белка в колесе) не могли загубить хрупкое на первый взгляд растение. — Одним словом, боюсь, что ты уволена.

Я опустила глаза и закусила губу, чтобы совладать с эмоциями. Конечно, это было ожидаемо. В большинстве случаев мне отказывали сразу, реже — после первого дня на новом рабочем месте. К подобному отношению я привыкла. Но здесь я успела продержаться целых пять дней. Пять дней! Почти полную рабочую неделю. И это давало надежду, что на сей раз злой рок обойдет меня стороной. Но, по-видимому, я оказалась излишне оптимистична.

Бумаги со схемами, которые я принесла для согласования с начальством, легли на стол, тоже державшийся на честном слове (или на легкой бытовой магии) — как и всё в этом крохотном кабинете.

— Причина, как я понимаю, не в качестве моей работы? — глухо спросила я, не поднимая взгляда.

— Да в каком качестве?! — Дорон резко взмахнул рукой, снова едва не столкнув многострадальную герань. — Послушай, девочка, поверь мне на слово: ты — отличный архитектор. На мое суждение можешь положиться: я в этом деле добрых тридцать лет кручусь. И Низейский собор строил, и второй корпус столичного университета, и Малый южный дворец. Так вот, тебе еще немного опыта набраться — года три, не больше, — и из тебя не то что младший, а старший архитектор отличный получится! А тут... ну да, другие причины, — снова сникнув, подтвердил он.

Спрашивать, какие именно, я не стала — и так все было понятно, — но заместитель главы строительства сам не выдержал, громко стукнув кулаком по столу.

— Руки у этого идиота Бена не из того места растут! — гаркнул Дорон. — Кирпич он, видите ли, на ногу уронил! Себя бы за это по башке и стукнул — так нет, припомнилось ему, что ты как раз в это время мимо проходила! И все, заладил: «Ведьма, ведьма, сглазила, беду притянула».

Лицо зама исказила самая настоящая гримаса: похоже, он и в самом деле воспринимал случившееся близко к сердцу.

— И остальные, конечно, его поддержали, — с обреченным смешком предположила я. Дорон эмоционально махнул рукой.

— Одни поддержали, другие... Да что с них взять? Молодежь, ветер в голове, думают тем местом, которое совсем для другого предназначено. В общем, до высокого начальства дошло, а он, оно то есть... в смысле начальство... — тут заместитель явно удержался от крепкого словца, — ...сочло нужным прислушаться. Рисковать строительством он, видите ли, не может. Бред, да и только! В общем, Дана, извини. — Дорон со вздохом вытащил из ящика конверт и протянул мне. — Вот, это за те дни, что ты отработала.

— Да я ничего и сделать особо не успела, — с кривой улыбкой отозвалась я, покосившись на свои наброски. — Вряд ли я что-то реально заработала.

Сказала — и тут же пожалела. Ну не дура ли? И так без жалованья останусь на неопределенное количество времени, а денег, между прочим, кот наплакал. Каждый грош на счету, а тут хоть что-то.

Однако Дорон, к счастью, был не из жадных и на слове ловить меня не стал.

— Боги с тобой, Дана! — поморщившись, воскликнул он. — Я и так тут перед тобой распинаяюсь, не знаю, как в глаза посмотреть, а ты еще от жалованья отказываешься. Бери, и точка. Заработала, твое.

— Спасибо, — благодарно кивнула я и, опустив глаза, приняла конверт из его руки.

Сразу же спрятала деньги в сумку.

— Благодарить меня точно не за что, — проворчал Дорон, поднимаясь со стула. — Если вдруг узнаю о свободном месте, дам тебе знать. И не унывай. У тебя все еще будет отлично.

Я снова кивнула, постаравшись натянуть на лицо подобие улыбки, попрощалась и вышла из здания. В воздухе, как и обычно во время рабочего дня, стояла пыль. Где-то стучал молот, звенела пила, люди сновали туда-сюда с тележками, груженными древесиной и инструментами. Прикрывая лицо рукавом (не столько от пыли, сколько от окружающих), я быстро покинула территорию стройки и зашагала по направлению к реке.

У нас, в Аяре, по каким делам ни ходи, рано или поздно окажешься у берега. Река Майма разделяет городок на две неравные части. Та, что поменьше, лежит на восточном берегу. Там расположены более богатые кварталы, мэрия, крупные лавки, а также центральная площадь. Именно там всегда кипит жизнь, и не случайно на этом же берегу планировали возвести новый Дом музыки — комплекс из трех зданий, в проектировании одного из которых я до недавнего времени принимала участие.

Так что работала я на восточном берегу, а жила на западном, как и большинство людей, не отличающихся ни благородным происхождением, ни предпринимательской жилкой, которая позволила бы иметь отличный доход даже в нашем провинциальном городке.

С восточной стороны находился еще и Остров — так называли его жители Аяры, — хотя это был скорее полуостров, приютившийся между Маймой и ее крупным притоком, Макором. Эта часть города и вовсе считалась элитной. Здесь стояли богатые дома, проводились выставки, редко, но все же случались балы и прочие значимые культурные мероприятия.

Однако мой путь лежал на запад. До ближайшего моста идти было недолго. Пешеходный, по большей части деревянный, но с металлическими подпорками и перилами, он изгибался дугой, соединяя две такие разные части одного города, и чем-то напоминал волшебную дорожку из сказки. Возможно, так казалось из-за многочисленных железных замков, крепившихся к прутьям перегородки. По местному поверью, оставив здесь такой

замок, молодожены тем самым гарантировали себе долгую и счастливую совместную жизнь.

Дойдя до середины моста, я облокотилась обеими руками о перила и, слегка перегнувшись, посмотрела на воду. Мимо неспешно проплывали, иногда прокручиваясь вокруг своей оси, сорванные ветром листья.

Лишь отсюда я могла спокойно смотреть на свое отражение. Там, внизу, в подернутой рябью воде прорисовывался только контур, общие очертания, но деталей было не разглядеть. И потому казалось, что с моста на реку смотрит обыкновенная женщина с обыкновенной внешностью. И не было у нее ни нижней челюсти, выдающейся вперед, ни щербинок между зубов, ни носа картошкой, ни жидких волос, с трудом прикрывающих торчащие уши... И вроде бы никакой патологии, а общая картина пугающая.

Так что криворукий строитель — далеко не первый, кто ожидает от меня дурного глаза и даже темного колдовства. Вот только, в отличие от настоящих ведьм, каковых в нашем королевстве не так уж и мало, мне устроиться в этой жизни совсем не просто. Никто не желает терпеть рядом с собой такое уродство. И предыдущая моя работа, проектирование первого в городе четырехэтажного здания, — случайное исключение из общего правила.

Я извлекла из сумки конверт, вытащила на свет купюры (держала крепко, чтобы не унесло ветром) и пересчитала. Вышло даже не за пять дней, а за шесть, полную рабочую неделю. Дорон постарался. Что ж, спасибо ему за это. Ведь дома у меня лежит немногим больше. На то, чтобы внести ближайшую плату за жилье, хватит. На еду тоже чуть-чуть останется. А дальше... Если в самом скором времени я не найду работу, окажусь на улице без средств к существованию. И даже нищенствованием заработать не смогу: моя внешность обычно способствует скорее чувству неприязни, нежели жалости.

Так было не всегда, но за долгие годы я привыкла к тому лицу, которое смотрело на меня из зеркала. Привыкла к морщащимся и брезгливо кривящим губы людям. Меня скорее могла удивить реакция таких, как Дорон. Она была неожиданной.

Спрятав деньги обратно в сумку, я снова посмотрела на воду. Прыгнуть, что ли?.. Впрочем, это я так, несерьезно. Поживем еще. Прыгнуть всегда успею — если уж совсем никакого выхода не останется.

Я оттолкнулась от перил и побрела по мосту вниз к своей, западной, части города. Домой не спешила: сейчас мне вообще торопиться некуда. Вместо этого села на скамейку в одном из своих любимых скверов, достала припасенную заранее булку и принялась кормить голубей. Они привычно слетелись, стоило мне занять давно облюбованное место.

Скорее механическими, чем продуманными, движениями я стала разбрасывать в разные стороны куски булки. Нельзя сказать, будто я была погружена в раздумья. Голова, напротив, казалась пустой, словно грустные мысли не могли проникнуть сквозь инстинктивно выдвинутый барьер. Зато эмоции не покидали ни на секунду. Вот только нестабильное душевное состояние напоминало огромный маятник, который методично отшвыривал меня то к меланхолии, то к нецензурщине.

Последние кусочки раскрошившейся булки я забросила подальше, воробьям, которым не удалось миновать более крупных птиц и пробиться в хлебные (в прямом и переносном смысле) места. Потом встала, отряхнула платье и, перекинув сумку через плечо, продолжила неспешно двигаться в сторону дома.

Я уже вышла из сквера, но все еще шагала вдоль забора, когда увидела пса. Крупный, лохматый, со свалывшейся светлой шерстью, он смотрел на меня, одиноко стоя на пустой улице. Никакого намека на ошейник. В глазах — доверие с легкой примесью испуга. И тоска.

Вот такая гремучая смесь.

Приблизившись, я замерла на месте и осторожно, стараясь не спугнуть, вытянула к псу руку. Сперва он потянулся ко мне, но страх был сильнее. Прижав уши, опустил хвост и немного попятился. Но не убежал. И продолжал внимательно смотреть.

Я присела на корточки и заговорила, стараясь, чтобы голос звучал дружелюбно и успокаивающе.

— Ну что ты? Иди сюда, иди. Я тебя не обижу, честно. Просто поглажу.

Собачий хвост принял прежнее положение, уши приподнялись, и пес постепенно, шагочек за шагочком, двинулся ко мне. При этом он потешно вытягивал голову вперед, с любопытством принюхиваясь. Я снова рискнула протянуть руку, и вскоре ладонь коснулась нечесаной, но все равно приятной на ощупь шерсти.

— Накормить мне тебя, к сожалению, нечем, — покаялась я. — Вот, последний хлеб раздала.

Я вздохнула, пес тоже погрузился, как будто понял. Но уходить и не думал. Я почесала его между ушами, и он довольно поднял голову повыше.

— Не повезло тебе, да? — понимающе хмыкнув, спросила я. — Был бы ты породистый, с родословной, — и любой богач за тебя бы с радостью кучу денег выложил. А так никому ты не нужен. Приходится болтаться по улицам и скверам в поисках еды.

Пес лег и опустил голову на передние лапы. Вряд ли он понимал, что я говорю, но воспринимал слова благосклонно, реагируя не на содержание, а на интонации. Ему уже явно было комфортно в моем обществе. Я продолжила его гладить.

— И никому не интересно, что ты ласковый, и преданный, и умный. Не попадаешь под принятые рамки — и все, до свидания.

Я вздохнула. Еще немного молча потрепала пса по густой шерсти. Потом встала, устав сидеть на корточках. «Ну что ж, пока? Удачи тебе!» — собиралась сказать я. Но взгляд пса наполнился такой неизбывной тоской, что слова застряли в горле.

— Ну что... Пойдем со мной? — предложила я, понимая, что совершаю огромную ошибку, что нельзя брать на себя ответственность за кого-то другого, когда сама не знаешь, что будет с тобой завтра. Я это понимала, но все же точно знала, как поступлю. А пес, обнадежившись, приподнял уши. — У меня дома есть еда, вода и мягкая подстилка, — сообщила я. — Правда, через пару недель я могу оказаться на улице, и ты со мной за компанию. Будем тогда вместе просить милостыню.

Пес, несколько не расстроенный такой перспективой, потрусил за мной, виляя хвостом.

Добравшись до дома, я первым делом его накормила и в процессе смогла оценить, насколько бедолага был голоден. Затем настало время решать другую проблему: собаку нужно было помыть. Однако пускать пса в собственную ванну я не желала и потому, недолго думая, выставила на улицу возле входа лохань, натаскала воды и уж потом устроила водные процедуры. Пес оказался от них не в восторге, но все-таки в лохань влез и в целом вел себя довольно послушно.

— Дана!

Услышав оклик, я подняла голову. Лилах, соседка, с которой у меня сложились неплохие отношения, стояла на балконе второго этажа дома напротив. Учитывая, что улочки в этой части города были узкие, жители переговаривались с такого расстояния без особого труда.

— А почему ты дома? — спросила Лилах после того, как я приветственно помахала ей рукой. Помахала и вернулась к своему занятию: каким бы покладистым ни был пес,

чрезмерно испытывать его терпение все же не стоило. — Ты вроде бы устроилась на работу на Острове?

— Не на Острове, просто в восточной части, — машинально поправила я. — Впрочем, уже неважно. Я там больше не работаю.

— А-а-а... — Лилах, похоже, сперва собиралась спросить о подробностях, но потом передумала. Догадаться о причине моего увольнения было несложно. — А что это за собака? — вместо этого поинтересовалась она.

— Моя, — с непонятно откуда взявшимся вызовом ответила я, ненадолго прерывая процесс помывки.

— М-м-м. Понятно, — кивнула соседка, с любопытством оглядывая пса. — А как ее зовут?

— Э... Не знаю, — призналась я, испытывая при этом некоторую неловкость.

— Понятно, — повторила Лилах. Еще немного понаблюдала за нашим с псом занятием, после чего задумчиво изрекла: — У нее, наверное, вши... то есть эти... блохи?

— Наверное, — согласилась я. — Вот этим-то я как раз и занимаюсь.

— Угу.

Из квартиры соседки раздался громкий вопль:

— МАМА!

Я в первый момент подпрыгнула, хватаясь за сердце, но Лилах лишь повернула голову к балконной двери, демонстрируя чудеса спокойствия. Продолжение не заставило себя ждать.

— Идем играть! — требовательно произнес детский голос.

— Ноам, я разговариваю! — откликнулась соседка.

Однако она явно не рассчитывала на спокойное продолжение беседы и оказалась права.

— Мама, идем играть СЕЙЧАС! — с настойчивой непосредственностью заявило чадо.

Лилах, у которой было двое детей, одному два, другому четыре, обреченно закатила глаза.

— Минуту, крокодилы! — крикнула она и снова повернулась ко мне. — Я поговорю с Эялем. Вдруг у них будет пробегать какая-нибудь работа.

Я кивнула, хотя на положительный результат не рассчитывала. Эяль, муж Лилах, служил в мэрии и теоретически действительно мог бы помочь архитектору с трудоустройством. Но у меня случай особый. В прошлом Эяль уже пытался мне посодействовать, и ничего из той попытки не вышло.

Из квартиры внезапно раздался громкий звук бьющегося стекла. А затем невинный детский голос констатировал:

— Ой. Упало.

Лилах на секунду сжала зубы, округлила глаза и вытянула вперед руки с согнутыми пальцами, изображая страшное чудовище, готовое кого-нибудь покалечить, после чего со страдальческим «Иду!» скрылась в доме.

Удивительно, но кое-какой результат обращения к Эялю все-таки был. Мне предложили прийти на так называемый испытательный день в дом главы гильдии гончаров. Правда, требовался им не архитектор, а секретарь. Но с момента увольнения прошло два дня, других предложений пока не поступало, а найти источник заработка требовалось срочно. Так что я пошла.

Главу гильдии я лицезрела не более двух минут. Это был статный, солидный мужчина

лет сорока на вид. Полагаю, в действительности ему было больше, поскольку так рано на подобную должность обычно не пробиваются. Вежливо со мной поздоровавшись, он направился по своим делам. Меня же препоручили Хане, полной женщине, по возрасту годившейся мне в матери. Она показала, в чем будет заключаться суть моей работы, и в течение восьми часов я честно вникала в списки товаров, имена купцов и названия крупных лавок.

Ближе к вечеру Хана, и правда отнесшаяся ко мне немного по-матерински, подошла к моему столу, вся сияющая, и сообщила, что меня приняли на работу.

— Это глава гильдии сказал? — спросила я, обрадованная и удивленная одновременно.

Хана покачала головой.

— Его жена. Но здесь именно она все решает, — доверительно добавила сотрудница, понизив голос.

Мне вспомнилась худая ухоженная брюнетка с пронзительным взглядом, и вправду наблюдавшая за мной пару раз в течение дня. Ее внимание заставляло чувствовать себя не в своей тарелке, и каждый раз я ждала заявления, что человеку с моей внешностью в таком уважаемом доме не место. Теперь же выяснилось, что именно ей я обязана шансом не умереть через пару недель с голоду.

— Здорово! — выдохнула я. — Но разве она видела хоть что-то из моей работы?

Наблюдать со стороны — это, конечно, хорошо, но в бумаги, с которыми я имела дело, жена главы гильдии не заглядывала.

— Это неважно, — дополнительно понизив голос, просветила меня Хана. — Главное, она видела тебя. Ты понимаешь, ее совершенно не устраивает, когда рядом с ее мужем крутятся молодые вертихвостки с надутыми губками. Она предпочитает видеть здесь женщин постарше, вроде меня. А на должность секретаря никак никого подходящего не находила. А на тебя посмотрела — и прямо в восторг пришла!

Я не могла видеть себя со стороны, но, думаю, в тот момент краска схлынула с моего лица. Стало быть, меня берут не за образование, гораздо более серьезное, чем требуется для этой работы. Не за старательность, не за ум, не за полученные результаты. А за мою внешность, благодаря которой хозяину дома точно не придет в голову крутить со мной пашни.

— Спасибо, Хана, — глухо сказала я, выходя из-за стола. — Передайте, пожалуйста, госпоже супруге главы гильдии, что я не смогу принять ее щедрое предложение.

Ошарашенный взгляд Ханы сопровождал меня до дверей. Выйдя из здания, я быстро зашагала по улице, обхватив себя руками, несмотря на то что холодно не было.

О своем импульсивном поступке я пожалела почти сразу, стоило двухэтажному дому главы гильдии остаться за спиной. Сначала пыталась отогнать угрызения совести, сосредоточившись на быстрой ходьбе и дующем в лицо ветре. Но это помогло лишь ненадолго: в скором времени невеселые мысли достигли сознания. Итак, я только что своими руками лишила себя, возможно, последнего шанса обзавестись работой и сохранить жильё. Теперь пойду по миру сама, а заодно прихвачу с собой пса, который имел глупость довериться моим заботам. А все потому, что я не сумела вовремя сдержатъ дурацкую, совершенно неуместную гордость. Радоваться надо было! Моя внешность при устройстве на работу всегда мешала, а тут вдруг сыграла на пользу. А я не оценила.

Вернувшись домой, я зарылась лицом в густую шерсть своего пса и долго плакала. Вариантов, которые предстояло проверить, оставалось все меньше, а время очередного

взноса платы за жилье неотвратимо приближалось.

На следующий день я вновь отправилась на поиски работы, и все прошло как обычно. В том смысле, что в обоих местах, куда я сунулась, мне отказали сразу, едва взглянув на мое лицо. К подобному я привыкла и, возможно, не слишком бы расстраивалась, но перспектива оказаться на улице не радовала совсем. Тот единственный проект, на который меня благополучно взяли по окончании обучения, был столь же благополучно завершен несколько месяцев назад, и от заработанных тогда денег почти ничего не осталось.

Поэтому я шла по узкой мостовой, мимо лавок, жилых домов и призывно распахнувших двери мастерских, и думала только об одном: хоть бы найти работу! Невольно косилась на сидящих у дороги нищих, примеривая их роль на себя. И вдруг один из них, мужчина в годах, неимоверно бледный, стал заваливаться набок.

Рациональное мышление стандартного обывателя советовало пройти мимо, но я замешкалась, а потом все-таки спросила:

— Вам плохо?

«Сейчас, наверное, денег попросит на поправку здоровья», — сразу же подумала я, но вместо этого нищий прохрипел:

— Лекарство! Мне нужно лекарство! Сердечные капли. Пожалуйста!

И опустил голову на бульжники, которыми был вымощен переулок.

Я огляделась. Лавка аптекаря была совсем рядом: перейти на другую сторону и миновать всего пару домов. Обыватель внутри меня все еще советовал отправиться прочь: людей кругом и без меня предостаточно, и денег у них куда как больше, но... Казалось, что без лекарства нищий умрет, а оставить человека умирать — это не то, что моя совесть с легкостью сможет переварить. Я даже не считаю, что мой поступок был продиктован добротой. Просто я знала: если пройду мимо, потом замучаю себя переживаниями. Поэтому можно считать, что к аптекарю я пошла, дабы предотвратить собственные душевные мучения. Кроме того, слишком уж живо мне недавно представлялась картинка, на которой я сама сижу на паперти с протянутой рукой.

Ладно, будем надеяться, что это лекарство не слишком дорогое. Сердечные капли — состав нередкий, такие обычно продают по доступной цене.

Аптекарь выслушал меня с деловым видом и поставил передо мной две склянки. Одну снял с полки, другую вытащил из-под прилавка — видимо, уж очень ходовой был товар.

— Эти обычные, эти с магической составляющей, — объяснил он. — Магические эффективнее и действуют быстрее, но и стоят дороже.

Я вздохнула.

— Сколько?

— Эти пятьдесят медников, эти полтора сребра, — привычно отбарабанил аптекарь.

Выходит, магические втрое дороже. Ладно, все равно эти деньги погоды не делают. Я указала на магические капли и потянулась за кошельком. Выбежав наружу, вручила лекарство с трудом приподнявшему голову нищему.

Тот выпил содержимое. Эффект проявился практически сразу. Лицо мужчины порозовело, глаза полноценно открылись, дыхание выровнялось. Он сел и улыбнулся мне благодарной улыбкой.

Ну, слава богам. С этой мыслью я собиралась пойти своей дорогой, но нищий снова меня остановил.

— Спасибо, девонька! — сказал он, приложив руку к груди. — А не найдется ли у тебя

мелкая монетка?

От такой наглости у меня глаза полезли на лоб.

— Послушайте, а вам не кажется, что это чересчур? — поинтересовалась я, не скрывая своих эмоций.

— Самая маленькая, — просительно протянул нищий. — Один медник!

Я с шумом выдохнула, возведя очи к небу, достала кошелек и, так уж и быть, вручила идущему на поправку маленькую красноватую монетку.

— Вот и хорошо, — широко улыбнулся он.

И что-то в этой улыбке мне не понравилось.

Между тем нищий потер монету в ладонях, почти беззвучно шевеля губами. И снова поднял на меня довольный взгляд.

— За то, что ты не прошла мимо и помогла чужому человеку, твое желание исполнится, — объявил он.

Я пару секунд постояла, прикидывая, сумасшедший он или просто издевается, а потом зашагала прочь. И, лишь свернув за угол, сообразила, что было не так с его улыбкой.

У нищего были здоровые белоснежные зубы, совсем не характерные для человека его положения.

Назавтра я решила поспать подольше. Точнее, вообще не вылезать из кровати до тех пор, пока не почувствую такого желания. В конце концов, осталось мне недолго. Почему бы не насладиться в полной мере тем фактом, что в данный момент мне есть где спать и чем питаться? Можно валяться до полудня (благо пес спит рядом и с утренней прогулкой не торопится), потом позавтракать и выйти поболтать с соседкой... И так лениво провести весь день. Уйти в запой — не для меня, в загул — тоже, а так... уйду в засып. Хоть будет что вспомнить.

Однако осуществить этот во всех отношениях приятный план мне не дали. Около десяти часов утра в дверь постучали. К этому моменту я уже не спала, просто валялась в кровати. Так что не мешкая сунула ноги в тапочки и пошаркала открывать.

Мальчишка-посыльный вручил мне письмо и сразу же убежал, должно быть, поняв, что в этом квартале рассчитывать на чаевые не приходится. Разорвав конверт, я принялась читать. Послание оказалось от Дорона, и оно было коротким.

Дана,

есть для тебя хорошая работа. Отправляйся прямо сейчас по адресу: Остров, улица Цаярим, 11. Наниматель — Итай Брик. Я замолвил за тебя словечко.

Дорон

Проморгавшись, я еще раз пробежалась глазами по строкам. И ринулась одеваться. А затем, быстро выгуляв собаку, поспешила к ближайшему мосту, ведущему на восточный берег Маймы.

В послание Дорона до сих пор не верилось. И дело было не в том, что предполагаемое место работы располагалось на Острове. В конце концов, почему бы и нет? Немало проектов сосредоточено именно там, ведь именно у тамошних жителей водились на них деньги. Нет, причина заключалась в личности работодателя. Итай Брик был очень известным

художником, гордостью нашего города. Его картины выставлялись на самых престижных выставках, а заказы он получал от самых что ни на есть знатных клиентов, по слухам, даже от самого короля.

При чем же тут архитектор, спросите вы? Все дело в том, что Итай Брик был не просто художником, он был *оманом*. Оман — это художник, дар которого настолько силен, что носит магический характер. Его работы в некотором смысле оживают, приобретая объем, осязаемость, даже запах. Конкретно в случае Брика речь шла о пейзажах, и в его картины можно было в буквальном смысле слова шагнуть. В результате человек оказывался в своего рода комнате, где все вокруг выглядело и ощущалось точно так, как на картине. Ветер покачивал ветви деревьев, цветы по-настоящему благоухали, а капли дождя, по слухам, оставляли влажный след на подставленном лице.

Для некоторых оманов подобное было редкостью, характеризующей лишь самые удачные из работ. Но в случае Брика этим магическим свойством обладало абсолютное большинство картин, независимо от того, были ли они нарисованы на стенах в домах его клиентов или же на полотнах, выставлявшихся на выставках.

Подобные работы были не только картинами, но и словно бы небольшими комнатками или садами. А потому они нуждались в планировке, точном расчете пропорций, в схеме, которая учитывала бы как план художника, так и размеры полотна или помещения, на стене которого предстояло появиться произведению искусства. В противном случае существовал риск, что человек, вошедший в картину, вынужден будет, например, стоять пригнувшись, дабы не упереться головой (а то и плечами) в плывущие по небу облака. Именно по этой причине оманы, как правило, работали в паре с архитекторами. В такой паре первую скрипку, бесспорно, играл художник, архитектор же был скорее своеобразным квалифицированным помощником, нередко выполнявшим дополнительные поручения и всегда остававшимся на вторых ролях. Но вторая роль там, где первую играет оман, — это тоже весьма почетно. А самое главное в моем случае — это была работа, и работа по специальности. Не секретарем и не подмастерьем (а я от безысходности была уже готова на все что угодно), а именно архитектором.

Правда, обнадеживаться слишком сильно я не торопилась. Хоть Дорон и порекомендовал меня художнику (за что я была безмерно ему благодарна), на работу меня тот еще не взял. Да и, скорее всего, не возьмет. Просто он еще меня не видел.

Дом, в котором проживал художник, был одноэтажный, с покатой крышей, внутри наверняка светлый благодаря размеру и расположению окон. Как архитектор я бы оценила его на четверку с плюсом. С точки зрения эстетики не придерешься. В плане качества постройки — скажем так, не на века. Но и не из хлипких, что начинают разваливаться при первом проливном дожде. Полагаю, лет десять еще постоит без особых проблем.

Поднявшись по ведущим на порог ступенькам, постучала в дверь орехового цвета. Постаралась унять дрожь. В конце концов, не в первый раз мне отказывают от места. Зато, если повезет, успею бесплатно взглянуть на работы гения. Может быть, даже на наброски или незаконченные картины: наблюдать за процессом еще интереснее.

Я ожидала, что меня встретит служанка, но нет, дверь открыл, судя по всему, сам хозяин дома. Во всяком случае, стоявший передо мной мужчина наводил на мысль о человеке искусства. Нет, на нем вовсе не было классического берета или огромного банта. Зато бежевая рубашка с широким воротником, надетая навыпуск, была действительно характерна для представителей этой профессии, тем более в сочетании с фиолетовым пятном на рукаве,

явно оставленным краской в процессе работы. Некоторую небрежность образа довершали взъерошенные волосы. Точно художник. Человек немного не от мира сего, которому во время рисования становится ни до чего. Уж точно не до подобной ерунды, как причесывание, пусть даже и пятерней.

Впрочем, такую внешность трудно испортить. Высокий худой брюнет с красивым лицом. Прямой нос, изогнутая линия угольно-черных бровей, узкий подбородок, высокие скулы. Темно-карие глаза чуть-чуть навывкате. Это его не портило, скорее, придавало лицу выразительности. Кожа не бледная, но и не слишком смуглая. И еще мне бросились в глаза длинные пальцы с ногтями миндалевидной формы. Такие пальцы как раз и ожидаешь увидеть либо у музыканта, либо у человека, занимающегося изобразительным искусством.

— Добрый день! — поздоровалась я, силясь унять напряжение. — Я по поводу работы, Дорон Горен сказал, что я могу к вам прийти...

На какой-то миг мне показалось, что хозяин дома так и не соберется раскрыть рот; сама же я понятия не имела, что говорить дальше вот так, на пороге. Но пару томительных секунд спустя брюнет бросил: «Проходи» — и сам подал мне пример, зашагав куда-то вглубь дома. Дверь я закрыла сама и поспешила за ним следом.

Действительно хорошая планировка. Прихожая, плавно переходящая в одну из жилых комнат, высокие потолки, местами — узкие ниши в стенах, и свет действительно отлично проникает через широкие окна. Занавесок на некоторых не было вовсе, на других они были отдернуты и почти не привлекали внимания, но все это смотрелось весьма органично, учитывая общее убранство помещений. Уютно, но без излишков мебели. Просторно, аккуратно, стильно.

Миновав две комнаты, мы свернули направо и оказались в помещении, оборудованном как своего рода кабинет. Почему «своего рода»? Здесь не было ни бланков, ни конвертов, наводящих на мысль о деловой переписке. Даже запасных чернильниц и гусиных перьев. Отсутствовала и мебель, предназначенная для хранения подобных вещей, вроде бюро или секретера. Просто стол, пара стульев и пара кресел (одно из них — у камина) да небольшой низкий шкафчик с дверцей.

— Садись.

Хозяин дома (так я, во всяком случае, предположила, хотя он до сих пор не удосужился представиться) кивнул мне на стул для посетителей, но сам следовать своему совету не спешил, вместо этого прислонившись к углу шкафа. Окинул меня взглядом, нахмурился и слегка скривил поджатые губы, отреагировав таким образом на мой внешний вид. Это было привычно, но неприятно. Ну, все понятно, скоро сообщит, что не нуждается в моих услугах. Вопрос лишь в одном: выставит сразу или для виду все-таки проведет собеседование?

— Тебя зовут?..

— Дана Ронен.

Брик кивнул: видимо, слышал такое имя от Дорона.

— У тебя диплом архитектора из Лиловой академии?

— Из Областной академии искусств, — поправила я.

«Лиловой» нашу академию действительно часто называли за счет специфического цвета, в который была выкрашена часть здания.

— И ты проектировала Восточную башню? — продолжил расспросы потенциальный работодатель, пропустив мое уточнение мимо ушей.

Я молча кивнула. Трехэтажное здание (плюс мансарда), конечно, трудно было назвать

башней, и тем не менее именно такое прозвище оно получило в народе, поскольку действительно возвышалось над прочими домами Аяры.

— Угу.

В задумчивости взявшись своими длинными пальцами за подбородок, Брик еще немного поглядел на меня с очевидным неудовольствием, а затем положил передо мной на стол лист бумаги. Это был черновой набросок, сделанный карандашом. Довольно простенькая композиция: окно, на подоконнике — цветок в горшке, за окном видна ива, по небу плывет облако.

— Сможешь сделать расчеты? — спросил он. — И нарисовать чертеж?

— Смогу, — ответила я уверенно.

— Давай.

Пара карандашей уже лежала на столе. Брик развернулся и просто-напросто вышел в соседнюю комнату. Дверь закрылась, и, судя по раздававшимся с той стороны звукам, он занялся своими делами, не имея ни малейшего намерения наблюдать за моей работой. Я взялась за бумагу и карандаш и углубилась в расчеты.

Много времени это не заняло. Речь шла не о полноценной картине — скорее, об «игрушечной» версии с незначительным числом деталей, явно предназначенной сугубо для проверок при подобных интервью. Если, конечно, нашу встречу можно было назвать таковым.

В исходе я, в общем-то, не сомневалась, но тем не менее работала на совесть. Закончила минут за сорок, затем подошла к закрытой двери. За все это время художник ни разу не заглянул в комнату, хотя бы даже ради того, чтобы посмотреть, на месте ли я и не смылась ли, прихватив из дома пару-тройку ценностей.

Я постучала в дверь. На всякий случай повысив голос, сказала: «Все готово!» — и вернулась на свое место за столом. Брик появился достаточно быстро. Подошел, коротко одарив меня очередным отнюдь не восторженным взглядом, взял бумагу с расчетами и схемами, внимательно ее просмотрел и бросил обратно на стол. Плавнo проплыв по воздуху, листок приземлился вплотную к чернильнице. Скривившись, я приготовилась с достоинством принять сообщение о моем несоответствии предполагаемой должности.

— Стало быть, так. — Заговорив, художник даже не счел нужным смотреть мне в глаза. Я скривилась еще сильнее. — Оплата — пятьдесят сребров в неделю. График нестандартный: выходной не всегда в воскресенье, а по договоренности. Как раз по воскресеньям мне нередко бывает нужен помощник. Часы работы — с десяти утра до семи вечера. Раньше десяти тебе здесь делать будет нечего. В случае выставки о времени договариваемся отдельно. Если расчеты надо произвести на дому у клиента, мне все равно, в какие часы ты будешь это делать. Да, и еще. Полагаю, это подразумевается изначально, но хочу уточнить: мне нужен не только архитектор, но и помощник. В том, что касается заказов, подготовки красок и тому подобного. Словом, ассистент. Если тебя устраивают условия, можешь приходить завтра к десяти.

Я смотрела на него, по-прежнему стоявшего у стола, снизу вверх, совершенно неприлично выпучив глаза.

— Вы что, хотите сказать, что... берете меня на работу? — недоверчиво спросила я.

Протекция Дорона никак не могла быть настолько серьезной. Он не такая большая шишка, а художники, тем более оманы, — и вовсе люди по природе своей независимые, предпочитающие полагаться на собственные суждения. Невольно вспомнился давешний

нищий, пообещавший исполнение заветного желания.

Брик пожал плечами — даже не удивленно, а скорее безразлично.

— Почему нет? — отозвался он. — Расчеты сделаны идеально, схемы отличные. Ну так как?

Он все-таки соизволил посмотреть мне в глаза. Вопросительно, но в то же время довольно равнодушно. Соглашусь — хорошо, откажусь — он не сильно расстроится. Я в очередной раз впечатлилась тем, насколько он красив — даже сейчас, с таким безразличным выражением лица. А может быть, именно поэтому?

Смысл вопроса дошел до меня не сразу: кто бы, скажите на милость, ответил отказом на моем месте?! Озвученное им жалованье примерно вдвое больше того, что я получала на предыдущей, весьма, кстати сказать, неплохой работе. С такими деньгами не то что за квартиру платить — вообще жить припеваючи можно! А что касается нестандартных рабочих часов — какая мне разница? У меня что будний день, что воскресенье — одно и то же. Родных нет, близких друзей тоже. А перекрикиваться с вышедшей на балкон Лилах в любое время можно.

— Да, — поспешила ответить я, сообразив наконец, чего от меня ждут. — Я приду завтра в десять.

Пришла. Дверь мне снова открыл хозяин дома, из чего я заключила, что прислуга здесь не живет. Следом за немногословным художником прошла по вчерашнему маршруту. Однако в кабинете мы на сей раз не задержались, вместо этого прошествовав в соседнюю комнату, ту самую, где он пропал накануне сорок минут. Оказавшись на пороге, я с трудом удержала желание замереть, разинув рот.

Это была святая святых художника, мастерская. Вне всяких сомнений, как таковая она строилась изначально и спроектирована была сказочно. Очень просторная (как зал вытянутой формы), светлая, с причудливым неровным потолком, она чем-то неуловимо напоминала оранжерею. На порядок здесь не было и намека — холсты, листы бумаги всех возможных размеров, палитры, разнообразные кисти, тряпки, безнадежно перепачканные в краске. При этом тут, кажется, не имелось ни одного предмета, который не касался бы непосредственно процесса рисования.

Мастерская была очень светлой благодаря огромным окнам, любое из которых легко было зашторить при помощи специальных рычажков (дотянуться до верха штор при всем желании нереально, столь высоки там окна). Кроме того, и на потолке, и на стенах располагались многочисленные кружочки миниатюрных светильников, которые, вероятно, можно было включать в различных комбинациях, чтобы создать нужный вариант искусственного освещения.

Но особого внимания, конечно, заслуживали стены. Ибо на них висели многочисленные картины. Вернее, так: Картины. Вне всякого сомнения, работы самого Брика. Не знаю, по какому принципу он решал, что именно оставить в этой мастерской. То ли выбирал те работы, которые посчитал неудачными, то ли, напротив, вешал на стены любимые свои произведения. Так или иначе, это было неопределимо. Практически со всех сторон на меня взирала природа, большей частью характерная для наших широт. Сосновый бор с землей, усыпанной ковром из хвои. Светло-голубая поляна незабудок, тянущихся к небу насыщенного синего цвета. Гроздь рябины, укрытая воздушной шапкой снега.

Приблизившись к незабудкам, я ощутила прикосновение легкого летнего ветерка, а от

рябины, напротив, повеяло холодом. Даже если я не проработаю здесь долго, этого зрелища достаточно, чтобы с лихвой окупить все мои старания и последующие переживания. Словно я бесплатно побывала в совершенно невероятном музее.

— Что скажешь? — осведомился Брик привычно равнодушным тоном, подбирая с пола какую-то очередную тряпку.

Тогда мне впервые подумалось, что за его видимой бесстрастностью непременно должно скрываться что-то еще, ведь не может же художник столь безразлично говорить о собственном искусстве. Впрочем, если копнуть глубже, с какой стати его должно волновать мнение такой, как я? Я ведь не его коллега, не искусствовед, не известный коллекционер. Более того, во мне нет ни капли той красоты, которую Брик, судя по его работам, чрезвычайно ценил и необыкновенно тонко чувствовал.

— Это... Это сказочно, — еле слышно выдохнула я.

Он мимолетно, но все же улыбнулся, после чего мы приступили к работе.

Оказалось, что на тот момент оман работал одновременно с тремя проектами. Два полотна были заказаны клиентами, еще одно он писал для собственного удовольствия и в перспективе планировал ехать с этой картиной на одну из наиболее престижных выставок страны. Необходимость расплытаться, тратя время и силы на три работы, немало раздражала Брика, но выбора не было. И везде срочно требовались архитектурские расчеты.

Два из них я закончила за первые несколько часов. К вечеру оставался лишь третий проект, но тут дело застопорилось. Штука в том, что художник и сам был не уверен, как точно должна выглядеть будущая картина, постоянно менял расположение раскидистой ели и шпиля замка на набросках и никак не мог подобрать вариант, который устроил бы его на сто процентов. Мои же схемы напрямую зависели от результата этих поисков. В итоге над набросками и расчетами мы работали параллельно, стараясь совместными усилиями выявить оптимальную версию.

За окнами стало темнеть, и я все чаще смотрела на часы. Без десяти семь, а Брик и не думал закругляться. Семь. Семь ноль пять. Я напрягалась все сильнее. Напоминать художнику о времени не хотелось, но дома меня ждал пес, которого необходимо было вывести на прогулку. Он с самого начала очень прилично себя вел, всегда терпеливо дожидаясь выгула. Вечером мы выходили в половине седьмого — семь. Теперь, учитывая, что добираться с работы домой мне предстояло около получаса, прогулка передвигалась на тридцать минут вперед, однако я ожидала, что пес поначалу немного потерпит, а потом перестроится на новый режим. Но заставлять его ждать еще дольше...

Теперь я смотрела на часы чуть ли не каждую минуту. Время текло медленно, а Брик с головой ушел в наброски. Карандаш в его руке буквально летал по помещенному на мольберт листу. Семь десять. Четверть восьмого. Семь двадцать пять... Бедный пес, он там, наверное, уже с ума сходит. Волнуется, что меня нет, и терпеть ему все труднее, стоит около двери, скулит...

— Адон^[1] Брик! — обратилась я к художнику.

Ему стоило некоторого усилия оторваться от творческого процесса.

— Да?

Я опустила голову: было неловко.

— Уже больше семи часов. Мне пора домой.

— Да брось, осталось не так уж много, — отмахнулся оман, возвращаясь к мольберту,

который в данный момент интересовал его гораздо сильнее разговора со мной. Гораздо сильнее всего на свете, наверное. — Мы уже нашли верное направление, надо только его доработать. Каких-нибудь час-полтора — и мы добьем эту схему!

Я почувствовала, как волосы на голове становятся дыбом. Час-полтора?! Подобного мой пес просто не выдержит. Я даже не представляю, в каком состоянии он будет к моему возвращению!

— Нет, я никак не могу остаться так надолго.

Низ живота будто сжался в комок и слова дались тяжело, но поступить по-другому я была не способна.

Брик снова оторвал взгляд от мольберта и посмотрел на меня, на этот раз более внимательно.

— Я предупреждал, что график будет нестандартный, — строго заметил он.

С угрозой? Или все-таки нет?

— Вы предупреждали, что рабочие часы — с десяти до семи, — твердо возразила я.

Помнить свои права я умела: в моей общей жизненной ситуации это было необходимо.

Брик помолчал, буравя меня хмурым взглядом.

— Какая разница, семь или восемь? — спросил он затем. — Ну, в другой раз уйдешь в шесть. Или, если хочешь, доплачу тебе за лишний час, только высчитай сама, сколько там выходит. Давай, давай, у нас работа стоит!

Он попытался снова возвратиться к мольберту.

— Но...

— Что еще?

Во взгляде художника явственно читалась укоризна.

— Я правда не могу остаться. У меня есть срочное дело.

Несколько секунд длилась пауза, которую Брик прервал совершенно неожиданным заявлением:

— Да подождет тебя твой хахаль, ничего с ним не сделается.

От удивления я на время забыла о страданиях своего пса.

— Почему вы решили, что меня ждет... хахаль?

Оман выразительно пожал плечами.

— А какие альтернативы? — Он бросил мимолетный взгляд на часы. — Представление в театре началось полчаса назад. Опера — раньше. Лавки уже закрыты, никакие выставки в городе сейчас не проходят. Куда еще ты можешь торопиться?

Логично. В корне неверно, но логично, вот ведь парадокс.

— Это не хахаль.

Возможно, признаваться не следовало, но я не привыкла лгать без крайней необходимости, к тому же Брик все равно не счел ухажера уважительной причиной для раннего ухода. Хотя, черт побери, почему раннего? Я, наоборот, уже на полчаса задержалась.

Художник смотрел вопросительно, ожидая объяснений, и, помявшись, я все-таки призналась:

— У меня есть собака. Пес, — зачем-то уточнила я, потупившись. — Понимаете, я должна его выгулять. Я никак не могу задержаться еще дольше. Если бы я знала заранее, я могла бы договориться с кем-нибудь, с соседкой, например, а так у меня просто нет выхода.

Я посмотрела на него умоляюще, но ответный взгляд оставался непроницаемым.

— Ты готова вот так уйти с нового рабочего места *из-за собаки*? — осведомился Брик,

сделав особое ударение на последнем словосочетании.

Я представила себе пса, в отчаянии шкрябающего когтями входную дверь. И, опустив глаза, тихо сказала:

— Да.

Словно приговор себе подписала.

— Ясно, — жестко сказал художник. — Можешь идти.

И снова заводил карандашом по бумаге, начисто игнорируя мое присутствие.

С трудом передвигая одеревеневшими ногами, я вышла из мастерской.

Домой, наоборот, шагала быстро, отлично помня о причине своего поступка. Полностью сосредоточилась на скорости, о другом старалась не думать. И все равно, когда я добралась до своей улицы, уже было больше восьми. Раздававшееся из-за дверей тоскливое поскуливание, сменившееся при моем приближении отчаянным лаем, несколько примирило с реальностью. Я все-таки приняла правильное решение.

Когда я отперла и распахнула дверь, тут же попала «в объятия» пса. Он прыгал на меня с такой безудержной радостью, что я еле удержалась на ногах. А потом посторожилась, и он опрометью ринулся на улицу. Лапу задрал, едва успев соскочить со ступеней.

И снова я до глубокой ночи проплакала, зарывшись лицом в густую шерсть.

А наутро, чувствуя себя приговоренным, которого ведут на казнь, отправилась на Остров. Огонек надежды теплился, но очень слабый. Я понимала, что, вероятнее всего, уволена, пусть это и не было сформулировано вслух. Но убедиться в этом окончательно была обязана. Что ж, хотя бы в святая святых омана побывала, посмотрела его картины. И то хлеб.

Дождь легонько моросил, а я в третий раз в жизни стучалась в дверь просторного одноэтажного дома. Все внутри сжалось, когда послышался щелчок отпираемого замка... А потом снова сжалось, но уже по другой причине. Потому что на сей раз открыл мне не Брик. На пороге стояла делового вида женщина, высокая, подтянутая, старше меня, наверное, вдвое.

Похоже, я не просто уволена. Мне уже нашли замену.

Впрочем, что тут удивительного? На такое место из желающих очередь должна выстраиваться. И дураков вроде меня нет, никто другой так просто свой шанс не упустит.

Я даже подумывала сразу попрощаться и уйти, но женщина заговорила первой.

— Вы, должно быть, геврет Дана Ронен? — спросила она.

Вот как, даже имя мое знает.

— Да.

Я высоко подняла голову, намереваясь с достоинством принять свой приговор.

— Проходите.

Женщина пропустила меня внутрь. Я вошла, отметив, что она не сочла нужным представиться. Следом за незнакомкой прошествовала по привычному маршруту. Заходить в мастерскую она не стала, покинула меня в кабинете, предоставив самой переступить последний порог.

Брик, как и вчера, стоял у мольберта и потому увидел меня не сразу. Я сделала несколько шагов и кашлянула. Хотя все и было понятно, сердце ушло в пятки.

Художник обернулся. Смерил меня долгим взглядом, а потом нетерпеливо поинтересовался:

— Ну, где тебя носит? У нас работа стоит. Давай сюда скорее, я, кажется, нашел правильный вариант.

От радости душа будто взлетела воздушным шариком, но ноги при этом приросли к полу.

— Ты чего? — нахмурил брови Брик, несмотря на свою увлеченность работой, заметивший, что со мной что-то не так.

— А я думала, вы меня уволили, — призналась я.

Глупо, конечно: к чему подавать человеку идеи? Но как-то само с губ сорвалось.

Оман нахмурился сильнее.

— С какой стати? — любопытно спросил он.

Причем с таким видом, будто и в самом деле недоумевал.

— Ну как, вы же сами вчера сказали: готова уйти раньше из-за собаки... — пробормотала я.

— Ну и что? — передернул плечами Брик. — Мне было интересно, я задал вопрос. Ты ответила. На этом тему закрыли. Все. Любите же вы, женщины, нафантазировать глубинные мотивы там, где все лежит на поверхности, — пожурил он, вновь принимаясь разглядывать рисунок.

Я могла бы ответить, что мужчины, в свою очередь, напрочь игнорируют глубинные мотивы даже там, где на поверхности не остается практически ничего. Но, разумеется, благоразумно промолчала, приступив вместо этого к работе. Лишь чуть позже спросила:

— А кто эта женщина, которая открыла мне дверь?

Брик, кажется, не сразу понял, в чем заключался вопрос.

— Далия? Служанка. Она приходит три раза в неделю.

На сей раз домой я вернулась вовремя. Присела на корточки рядом с вилявшим хвостом псом и, запустив руки в густую шерсть, задумчиво произнесла:

— Хахаль. Ну и как тебе такое имя?

Мой первый выходной выпал на вторник. Нисколько не огорчившись этому обстоятельству, я провела пару часов в центре Аяры и, среди прочего, на городском базаре. В частности, прикупила кое-что для пса. Назад возвращалась по памятному мосту с замками. И на том самом месте, с которого я смотрела на воду несколько дней назад, стоял, облокотившись о перила, незнакомый мужчина. Он был одет в военную форму, красную с синими лацканами, синими шевронами и синими лампасами, и на ногах у него были высокие черные сапоги. Ноги я могла разглядеть лучше, чем лицо, поскольку он стоял, низко склонив голову, должно быть, наблюдая за течением реки. Лишь приблизившись, шагая вдоль перил, я смогла определить цвет его волос. Темный оттенок каштанового.

В состоянии войны наше королевство, Мамлаха, последние лет пять не находилось. Однако армия была необходима, и не только для поддержания авторитета. На границе королевства и других государств, с которыми у нас была договоренность о взаимопомощи, росли леса, в которых водились всевозможные чудовища. Границы эти следовало охранять, в первую очередь следить за обстановкой, но время от времени и вступать в схватки, дабы не позволить лесным обитателям захватить большую территорию.

Поза шатена казалась странной, напряженной, и я, остановившись в нескольких шагах, дабы не вторгаться в чужое личное пространство, рискнула спросить:

— У вас все в порядке? Может быть, нужна какая-то помощь?

Военный медленно поднял голову, глядя не на меня, а прямо перед собой. Его лицо рассекал свежий шрам. Расположив по диагонали левую щеку, он утончившейся полоской

доходил до виска. Было видно, что необходимое лечение военный уже получил, но избавиться от шрама, увы, не удастся.

— Как видите, мне ничто не поможет, — глухо проговорил он, устремив взгляд на быстро утекающую вдаль воду. — И прежним ничто уже не будет.

— Понимаю, — откликнулась я.

Я действительно понимала. Другие люди стали бы убеждать его, что шрам — это полная ерунда, которая на будущей жизни никак не отразится, и вообще мужчин шрамы исключительно украшают. Но мысленно содрогались бы, представив, что нечто подобное могло случиться с ними.

Потребовалась пара секунд, чтобы он все-таки повернул голову и увидел наконец мое лицо. Я не отвела взгляда. Он не кривил губы, не хмурился, просто молча смотрел, а потом спросил:

— И как с этим живут?

Я со слабой улыбкой пожала плечами.

— Да в общем-то, нормально. Работают, учатся, заводят питомцев. Бывает непросто. Сложности есть, круг общения узкий. Но бывает и так, что везет. Мне, например, недавно улыбнулась удача. Поэтому... не все так плохо.

Я подбадривающе улыбнулась. Он понимающе кивнул. Кажется, мои слова действительно достигли цели. Потому что я не обещала ему золотые горы. Мои прогнозы были более скромными, но зато правдивыми, поскольку озвучивались со знанием дела. Мой внешний вид служил тому доказательством.

Военный вновь перевел взгляд на реку.

— Когда я отправлялся на границу, я, конечно, понимал, что это может плохо кончиться. — Слова звучали глухо, будто прорывались сквозь пелену текущей под нами воды. — Но мысли были главным образом о смерти. Казалось, что все остальное — мелочи. Главное — выжить, а прочее уж как-нибудь... А теперь, когда дошло до дела, все выглядит несколько иначе.

Он криво усмехнулся: слово «выглядит» приобретало в данном контексте зловещую двусмысленность.

— Главное — выжить, — заверила я. — Вы были правы.

Еще одна кривая ухмылка.

Молчание затянулось, и я уже подумывала о том, чтобы идти дальше своей дорогой. Этот мужчина справится и без меня, а навязывать свое общество ни к чему. Но он вдруг повернулся ко мне и предложил:

— А как вы посмотрите на то, чтобы отправиться сейчас в какую-нибудь таверну?

Признаться, я напряглась. И, облизнув губы, ответила:

— Смотря что вы подразумеваете под *таверной*.

Может, я и не избалована мужским вниманием, но это не означает, что я побегу в спальню за первым, кто поманит, а именно это нередко подразумевается под приглашением в таверну. Как естественное продолжение мероприятия.

Думаю, внезапная жесткость моего тона не укрылась от внимания военного. Он, мягко улыбнувшись, покачал головой.

— Я подразумеваю поесть, поговорить и, может быть, слегка напиться, если, конечно, у вас возникнет такое желание.

Это предложение я восприняла спокойно. Желание — не знаю, но повод у нас

действительно был. Причем у обоих.

— В таком случае я принимаю предложение.

Время у меня имелось. До выгула Хахаля еще несколько часов.

— Отлично. Кстати, — он протянул мне руку, — Гильад Шакед, офицер объединенных королевских войск.

— Дана Ронен, архитектор.

— Подождите меня минуту, — попросил Гильад, когда рукопожатие было закончено. — У меня есть одно незавершенное дело. Это недолго.

Получив мое молчаливое согласие (хоть я и недоумевала, какое дело у него здесь может быть), офицер наклонился и поднял с деревянного настила не замеченный мной ранее инструмент — крупные клещи. Безошибочно отыскав нужный замок, он с одного раза «перекусил» металл, после чего выбросил ненужную вещь в реку.

— Одним словом, она бросила меня, когда стало ясно, что с этим уже ничего не поделать, — резюмировал Гильад, мимолетным жестом указав на свое лицо.

Мы сидели друг напротив друга за квадратным столиком, поглощая местный хлеб и два салата из небольших тарелочек — закуски, подававшиеся всем посетителям, дабы им было не скучно дожидаться заказа. В битком набитой таверне было шумно, и нам то и дело приходилось наклоняться над столешницей, чтобы расслышать друг друга.

— Мерзко.

Я поморщилась, как... как незнакомые люди при виде моей внешности.

Собеседник пожал плечами — дескать, он недостаточно объективен, чтобы оценивать справедливость моего вердикта. И приложился к кружке с элем — это было первое, что мы заказали по прибытии.

Я хотела развить свою мысль: одно дело — незнакомцы, отворачивающиеся от некрасивого или изуродованного лица, и совсем другое — близкий человек. А потом подумала: не стоит лезть в чужие отношения. Высказалась вкратце — и хватит.

— Вам не нужно отчаиваться, — сказала я вместо этого, видя, как стремительно пустеет кружка спутника. — Найдется еще другая женщина. И вообще главное, что жизнь не пошла под откос. Общество не придает такого уж глобального значения внешности мужчин. Кроме того, вы же ветеран. Значит, на улице оказаться не доведется. Королевство в любом случае об этом позаботится.

Гильад кивнул, безразлично уставившись на открывшееся взгляду дно.

— Повтори! — крикнул он пробежавшему мимо службе.

Тот подхватил кружку, виртуозно удерживая ее одновременно с четырьмя-пятью другими предметами.

— Вы говорили, вам недавно улыбнулась удача, — припомнил Гильад. — Не расскажете, в чем?

— Расскажу. — Я легонько повела плечами: ничего секретного в моих новостях не было. — Работу нашла, хорошую. По специальности, у известного омана.

— На Острове?

— Угу.

— Действительно хорошо, — согласился военный.

— Вы только поглядите на эту парочку! — Даже удивительно, но пропитой голос небритого мужчины в зеленой рубашке мы слышали сразу, невзирая на общий шум, фоном

наполнявший таверну. — Нашли друг друга!

Приятели говорившего, каковых за столом сидело человек пять, охотно заготовали. Пустых и полупустых кружек перед ними стояло немало, тарелок с едой было существенно меньше. Видимо, они уже вошли в то состояние, когда хорош любой повод посмеяться, и уровень шуток перестает иметь значение.

Гильад, недобро прищурившись, со стуком поставил собственную кружку на стол.

— Ты что-то хотел мне сказать, парень? — громко спросил он. — Я как-то не расслышал. Повтори!

Последнее слово прозвучало требовательно. Но веселая компания плохо скрытую угрозу не оценила.

— А что, со слухом у тебя тоже неважно? — пуце прежнего развеселился мужчина в зеленом. И подчеркнуто громко, сложив руки трубочкой и поднеся их ко рту, прокричал: — Я говорю, людей не пугайте! Сидели бы дома и горя не знали! А тут, не ровен час, кому-нибудь аппетит испортите.

Я попыталась перехватить руку Гильада прежде, чем он поднимется на ноги, но не успела.

— Это ты мне, мразь? — Глаза моего спутника подернулись пеленой от гнева. — Мне? Королевскому офицеру?

— Не стоит, — попыталась вмешаться я, но Гильад меня не услышал. А даже если бы услышал, сомневаюсь, что в тот момент мое мнение сыграло бы для него хоть какую-то роль.

— Ну, тебе, — не дрогнув, отозвался «зеленый».

— Эгей, ребята! — послышалось с другого конца зала. Я только теперь осознала, что перекрикивание между столами привлекло всеобщее внимание, и прочие разговоры в таверне стихли. — Кажется, здесь кто-то не уважает мундир?

Четверо мужчин поднялись из-за углового столика. Из них лишь двое были в форме, но вполне вероятно, что и остальные в прошлом были военными — возвращаясь со службы, такие люди по большей части носили гражданскую одежду.

«Зеленый» и его приятели напряглись, но отступить не собирались. Вышли из-за стола. Четверо военных и Гильад — тоже.

Послышался звук первого удара, зазвенело бьющееся стекло. Посетители повскакивали с мест: одни — для того чтобы принять участие в драке, другие — с целью получше ее видеть, третьи — в намерении поскорее покинуть таверну. За чужими спинами я уже ничего не могла разглядеть и чувствовала себя препаршиво. Когда треск, стук и звон, а следом — взбудораженные крики публики возвестили о первом пострадавшем, оказавшемся спутником «зеленого», я вышла на улицу и остановилась у кирпичной стены.

Обхватила себя руками, несмотря на то что сгущающийся над Аярой вечер был безветренным. И долго смотрела в пространство перед собой. Можно сказать, из-за меня сегодня подрались. Говорят, многим женщинам это нравится. Да что там, мне и самой нравилось, когда подобное случилось много лет назад. А сейчас на душе было гадко.

Через какое-то время шум драки стих. Я так и стояла у стены, прячась от несуществующего холода, когда в дверном проеме появился Гильад, помятый, но довольный.

— Простите, — повинулся он, подходя. — День прошел не совсем так, как вы рассчитывали.

Я пожала плечами.

— Я понимаю, что ваши действия были продиктованы наилучшими побуждениями. И

вы заступились в том числе за меня.

— Но вас эти действия не порадовали.

— Я волновалась, — откликнулась я, глядя в пространство перед собой. — Вы осознаете, что в таких вот случайных стычках человек запросто может погибнуть или серьезно пострадать? Или загреметь в тюрьму за то, что погиб кто-то другой?

— Вероятность существует, — признал Гильад. — Зато некоторые люди получают то, что им причитается.

Я не хотела развивать тему, но как-то сама собой вскинула голову.

— А вы уверены, что им это действительно причитается? — Неожиданно поднявшийся ветер дул в лицо, и мои слова прорывались сквозь него, борясь за право быть услышанными. — Да, они поступили некрасиво, да, даже по-хамски. Но что они, в сущности, сделали? Брякнули спяну то, что думали. Хороший удар по физиономии они, конечно, заслужили. Но смерть?.. Или увечье, которое останется с ними на всю жизнь?..

Гильад глядел, склонив голову набок. Моя реакция его явно не впечатлила.

— Вы настолько всепрощающи? — спросил он с плохо скрываемым сарказмом.

— Всепрощающа? Нет, — поморщилась я. — Сказать по правде, я довольно злопамятна. Это принято считать недостатком, но мне кажется неправильным забывать зло, равно как и добро. Хотя бы для того, чтобы не наступать дважды на одни и те же грабли. Скорее, я... — пришлось, смолкнув, подбирать подходящее слово, — ...за справедливость.

Надеюсь, это прозвучало не слишком пафосно. Во всяком случае, я к пафосу не стремилась.

Взаимопонимания нам явно было не найти, да и жизненные ориентиры у нас слишком разные. Так что пора бы просто на более радостной ноте распрощаться, да и разойтись с миром. Но следующая реплика Гильада оказалась совершенно для меня неожиданной.

— И именно справедливость заставила вас остановиться, увидев на мосту человека со сгорбленной спиной?

Я недоуменно подняла глаза на военного, пытаюсь вникнуть в суть вопроса.

— Не знаю, — произнесла я наконец. — Нет, наверное. Я просто увидела человека, которому, возможно, нужна была помощь, и поэтому ее предложила. — Собственная растерянность начинала слегка раздражать. И вообще, что за странный вопрос? — У меня не было ни времени, ни стремления подробно анализировать свой поступок. Разве это важно?

— Нет. Наверное, нет. — Гильад отвечал, но, кажется, уже думал о чем-то другом. И вдруг спросил: — Как вы относитесь к тому, чтобы встретиться еще раз? При более благоприятных обстоятельствах?

Я сглотнула. Как-то не ожидала такого поворота. То ли опыта не хватает в подобных делах, то ли военный попросту задался целью вконец меня запутать.

— Ну... В принципе, можно, — немного растерянно проговорила я затем. — Только у меня необычный график. И выходной может выпасть на любой день недели.

— В таком случае я справлюсь у вас дня через два о следующем выходном?

Я улыбнулась, неловко пожала плечами.

— Хорошо.

Звон дверного колокольчика, многократно усиленный магически, раздался будто бы над самым ухом, хотя находились мы в мастерской.

— Демонова теща! Они уже здесь! — недовольно выдохнул мой работодатель.

Это ругательство звучало несколько странно из уст художника (от человека такой профессии ожидаешь чего-нибудь более оригинального и изящного), но я слышала его от Брика не в первый раз.

— Закончишь тут? — со вздохом уточнил оман.

— Конечно.

На самом-то деле о том, что сегодня к Брику придут гости, мы знали заранее. И колокольчик зазвонил, как и было назначено, ровно в шесть. Однако художник оказался настолько увлечен работой, что воспринял этот звонок так, будто друзья заявились часа на два раньше, чем планировалось.

— Тогда закругляйся, и можешь идти домой. — О том, что сегодня я заканчиваю работать пораньше, мы тоже договорились заранее. — Да! — вспомнил он. — Сможешь отнести вниз кахелет?

Я утвердительно кивнула. Кахелет — специальный материал, из которого готовилась синяя краска. Краска эта получалась необычной, позволяя особенно достоверно передать глубокий цвет летнего неба. Сам материал, пока он еще не был смешен с водой и пригоден для рисования, следовало хранить в холодном месте, то есть в нашем случае — в погребе. До сих пор я спускалась туда только один раз, но этого было достаточно, чтобы не заблудиться. В особняке же работаю, не в замке с лабиринтом подземелий.

Художник, накинув на плечи сюртук, отправился открывать. Даля к этому времени уже была отпущена, так что гостей предстояло впустить лично хозяину.

Я неспешно закончила свои наброски, сложила листы с расчетами, поглядела на картины и лишь после этого собралась спуститься в погреб, прихватив баночку с темно-синим содержимым. И только тогда сообразила, что для этой цели нужно будет пройти через весь дом, и главное — через гостиную. Ту самую, где Брик уже сидел вместе со своими друзьями.

Черт! И что мне стоило проскочить на кухню раньше? (Лестница в погреб вела именно оттуда.) Теперь придется шествовать мимо всей компании. Я такое терпеть не могу, тем более и статус у меня здесь не тот, чтобы вертеться среди гостей. Да и собственная внешность давно приучила обходить подобные посиделки стороной. Однако же и выбора нет. Быстренько проскользну, авось, внимания особого не обратят.

Вышла из мастерской, быстро пересекла кабинет и нерешительно замерла у распахнутых дверей гостиной.

— Этот Габаи совершенно ненормальный, — тоном бывалого сплетника вещал один из гостей, рыжеволосый.

Всего за столом сидело трое. Помимо говорившего и собственно Брика, откинувшегося на спинку стула с бокалом в руке, я увидела еще одного гостя, худого шатена. Он как раз перекладывал что-то себе в тарелку из глубокого сотейника, над которым вился пар, но при этом, кажется, ни на секунду не переставал прислушиваться к рассказу приятеля.

— Вздумалось ему нарисовать портрет, — продолжал рыжеволосый, эмоционально размахивая собственной вилкой, на которую был нанизан еще не съеденный кусок мяса. Говядины или телятины, судя по цвету. — А поскольку он оман и рисовал, как видно, старательно, портрет — девушки, к слову, — получился как живой. Так вот, Габаи умудрился в эту самую девушку влюбиться.

— И что?

Шатена история, похоже, впечатлила. Брик же продолжал потягивать вино со своим

обычным безразличным видом, разве что уголки губ едва заметно приподнялись, наметив легкую улыбку.

— А что тут может быть? — Рыжий отправил наконец вилку в рот и выдержал драматичную паузу, тщательно пережевывая мясо. — Оман, да простят меня присутствующие, — это не бог, настоящую женщину сотворить не способен. К ней можно прикоснуться, тепло дыхания ощутить, посмотреть, как ветер треплет волосы. А пообщаться с ней по-настоящему нельзя. Вот и мается он теперь, и чем все это закончится — неизвестно. Если хотите знать мое мнение, то, думаю, свихнется он окончательно рано или поздно. Такая влюбленность до добра не доведет.

— А раньше в истории искусств подобных случаев не было? — любопытно спросил шатен.

— Да что-то не припомню. — Рыжий вопросительно посмотрел на Брика. — Что скажешь, Итай?

— Да я тоже не припоминаю, — откликнулся мой работодатель.

Мне показалось, что новостью для него этот рассказ не стал. Должно быть, он уже слышал историю незадачливого омана в среде своих коллег.

Я решила, что сейчас, когда все трое увлечены столь необычным происшествием, я смогу потихоньку пересечь гостиную. Совсем уж незамеченным мое появление, конечно, не пройдет, но и особого внимания уделять тоже не станут. И я пошла, стараясь совместить тихое передвижение с внушительной скоростью. Но меня окликнули.

— Вот, господа, познакомьтесь, — произнес Брик, за что мне тут же захотелось его придушить. — Это Дана Ронен, моя новая ассистентка.

Вынужденно остановившись под прицелом заинтересованных взглядов, я выдавила улыбку.

— Очень приятно.

— Взаимно, — заверил рыжеволосый.

— Это Омер Даган, художник, — пояснил хозяин дома.

Я кивнула.

— Скорее так, немного рисую, — поскромничал гость. — Но на способности омана не махаиваюсь.

— А это — Нир Таль, скульптор, — не поведя бровью в ответ на услышанную поправку, продолжил Брик.

— Очень приятно, — повторил дежурную фразу шатен.

Я снова вынужденно улыбнулась.

— Не желаете к нам присоединиться?

Рыжий был само гостеприимство. Кажется, он уже нацелился на стул, который собирался мне предложить.

— Нет, благодарю вас, — поспешила отказаться я. — Я уже уйду, мне только нужно... в общем... доделать одно дело.

В качестве доказательства я приподняла повыше баночку с кахелет, после чего поспешила прочь из гостиной. Только отправилась не в прихожую, через которую пришли коллеги Брика, а в сторону кухни. Оказавшись за пределами комнаты, где проходила трапеза, облегченно выдохнула и остановилась, прижавшись спиной к стене, чтобы унять сердцебиение. А спустя примерно полминуты услышала, как гостиная взорвалась дружным смехом. Сердце вновь заколотилось, дыхание неприятно перехватило.

— Вот это да-а-а! — Насколько я успела запомнить голос, говорил Омер. — Ну ты даешь, Итай! Интересный выбор ассистентки! Где ты ее откопал?

— Места надо знать.

Это уже Брик. Говорит, как всегда, спокойно, и понять по звучанию, смеется он или нет, я не могу.

— Нет, правда! — вмешался третий голос. Если верить методу исключения, это был Нир. — Внешность у нее действительно очень своеобразная. Никак не думал, что у тебя такое искаженное чувство прекрасного.

— При чем тут вообще чувство прекрасного? — парировал мой работодатель.

— Ну, ты же выбрал из всех потенциальных кандидатур именно ее!

— И что? Я выбирал ее не на роль дамы сердца. Она хороший архитектор.

Снова веселый смех, от которого хочется провалиться сквозь землю.

— Но неужели тебя такая внешность не коробит, когда рисуешь свои шедевры?

— Не всегда, — с традиционным безразличием отозвался работодатель. — Но если особенно сильно коробит, отсылаю ее из мастерской по каким-нибудь делам.

— Что, неужели других архитекторов не нашлось? С внешностью попривлекательнее. Заодно и вдохновляли бы в процессе работы.

— На что? — чуть устало протянул Брик. — На создание портретов? Я их не рисую, и проблемы Габаи мне ни к чему. А девушки с внешностью попривлекательнее и думали бы о другом. Мне, знаешь ли, этих, которые планы строят на ровном месте, и без того хватает. А за работой я хочу думать только о работе. Чтобы никто не отвлекал на непонятно откуда взявшиеся притязания.

— Тогда да, тогда вариант — лучше некуда! — со смешком согласился Омер. — Отвлекать точно не будет.

— Так о чем тогда вопросы?

Голос Брика заглушило звяканье посуды и звук переливаемой жидкости. Наверное, наполняли бокалы с вином.

После этого разговор перешел с моей скромной персоны на другие темы. Я спустилась в погреб, а затем покинула дом в прескверном расположении духа. В глазах стояли слезы. Напоминания самой себе о том, что ничего принципиально нового я сегодня не услышала, отчего-то не помогали.

На Ежегодную общекоролевскую выставку оманного искусства мы попали при помощи телепорта. Ясное дело, проходила эта выставка не в нашей скромной Аяре, а в столице королевства, Ирбире. В отличие от своего работодателя, я впервые пользовалась столь своеобразным способом передвижения, поэтому немного волновалась. Но все оказалось невероятно, даже разочаровывающе просто. Следуя инструкциям служащей в форме, мы вошли в небольшую кабинку, закрыли дверь, зачем-то даже заперли ее изнутри на защелку, спустя пару секунд открыли — и оказались уже в совершенно другом месте. Вместо скромной комнаты, расположенной на первом этаже здания мэрии, мы увидели столичный телепортационный зал, оснащенный множеством подобных кабинок.

Итай Брик, если верить его внешнему виду, не волновался нисколько, и это было немного странно. Нет, порталом-то он пользовался регулярно, перемещаясь из Аяры в Ирбир и обратно по мере необходимости, так что подобные мелочи и не должны его беспокоить. Но вот цель нашей, если можно так выразиться, поездки — дело другое. Все-таки очень

престижная выставка, огромное число посетителей, художники, критики, искусствоведы. Брику как будто все это было совершенно безразлично. Вид — как и всегда, холодный и чуть отстраненный, словно происходящее хоть и касается его, но только вскользь.

В зал, где должна была проходить выставка, мы приехали до ее начала. Я помогла художнику расставить мольберты с работами в отведенной ему части помещения. Несколько картин, оправленных в специальные, почти незаметные, но тяжелые рамы, повесили на стену.

На этом моя миссия была выполнена, однако мне предстояло оставаться на мероприятии до самого конца и возвратиться в Аяру вместе с Бриком. О выгуле Хахаля я заранее договорилась с Лилах. На что использовать оставшееся время? Конечно, на то, чтобы смотреть картины! Чем я и занялась с превеликим удовольствием.

И посмотреть безусловно было на что. Работы оманов, самые разнообразные, но все с «эффектом присутствия». Натюрморты, цветы на которых умопомрачительно благоухали. (Один художник даже изобразил менее традиционные пирожки. От этого запаха посетители и вовсе сходили с ума. По-видимому, оман попался с чувством юмора. Впрочем, буфетчик был чрезвычайно ему за это благодарен.) Заснеженная улица, от которой веяло холодом. Огромный, на всю картину, очаг, который, напротив, источал совершенно реальный жар. Войти в такую картину было нельзя, а вот созерцание пламени завораживало.

Постепенно в зал потекли люди. Я старалась держаться в стороне, не привлекая к себе внимания, даже специально оделась для этой цели особенно неброско, чтобы максимально сливаться с окружающей средой. И вроде бы получалось.

Стало шумно. Все вели себя прилично, публика, понятное дело, подобралась не базарная. Никто не кричал, но тихие голоса десятков людей все равно разрывали тишину окончательно и бесповоротно. Дальше — жарче. Пошли интервью, обсуждения, споры. Мне было безумно интересно наблюдать за всем этим сложным процессом, чувствовать себя частью совершенно новой, непривычной реальности. Не органичной частью, конечно. Но все-таки.

Появление в выставочном зале Аялона Альмога, известнейшего омана, имя которого было знакомо любому человеку, мало-мальски интересующемуся искусством, я пропустила, но вскоре с восторгом обнаружила его совсем неподалеку от себя. Он стоял в окружении воодушевленных молодых художников и что-то вещал, время от времени снисходительно улыбаясь. Точь-в-точь седовласый учитель, наставляющий поколение будущих звезд.

А потом он приблизился к картинам Брика. Остановился возле одного из мольбертов — специальных, выставочных, за которыми не слишком удобно было бы рисовать, а вот рассматривать работы — в самый раз. Затаив дыхание, я застыла у стены, незаметная, но готовая ловить каждое слово мастера.

Альмог поглядел на колышущееся на ветру море высокой травы и полевых цветов, куда мне лично хотелось зарыться с головой и никогда оттуда не вылезать. Перешел к следующему мольберту, изучил лес, темнеющий под испещренным звездами небом. Многозначительно покачал головой. После чего обратился к Брику:

— М-да. Печально, молодой человек. Печально. У вас определенно есть талант. Вам следовало прислушаться к моим словам три года назад, на Международной выставке в Тольне. В этом случае на сегодняшний день вы бы уже многого добились. А так... Пустая трата времени.

И он страдальчески поморщился, в очередной раз взглянув на работу Брика.

Окружившие мольберт люди принялись удивленно перешептываться. Я тоже пребывала в недоумении и, как и другие, ожидала хоть каких-нибудь объяснений. Альмог их давать не спешил, а мой работодатель ничего не спрашивал. Лишь, мимолетно улыбнувшись, склонил голову, давая понять, что услышал своего коллегу и на этом считает разговор оконченным.

Но кто-то из молодых все-таки задал мастеру вопрос, и тот вполне охотно пояснил:

— Бессмысленно растрачивать дар художника на столь приземленные вещи. Тем более если это талант омана. Что здесь изображено? Цветы, трава, березы, сосны? И в чем секрет, какова идея, где второй, третий и даже четвертый смысл? Все просто, примитивно, банально. Люди и без посредничества художника могут в любой момент отправиться в лес. Но только настоящий лес будет значительно больше, чем картинный. И где, в таком случае, высокое предназначение искусства? Оно разбазаривается понапрасну, растворяется в повседневности. Возьмем, к примеру, небо, — вновь подошел он к работе с цветочным лугом. Толпа слушателей колыхнулась, перемещаясь вместе с ним. — Что это? Кахелет, не так ли? Синее небо — это неконцептуально. Зеленое небо — это загадка, фиолетовое — угроза, черное — общественный вызов. На вашем же полотне мы наблюдаем пустое, бессмысленное копирование.

В этот момент девушка, помогавшая организаторам выставки, передала Брику записку. Тот кивнул и, коротко поклонившись Альмогу, куда-то ушел. Но это седовласого мастера не остановило.

— Оманы в наше время вообще измельчали, — продолжил он, обращаясь теперь к толпе слушателей. — Большинство повторяют ошибку, которую мы видим здесь. Изображают очевидное, уподобляясь молодым повесам, рисующим на стенах. Увы, на отечественных выставках теперь почти нечего смотреть. Даже в абстрактной живописи — банальность. К примеру, недавно я видел работу, на которой был изображен квадрат с четырьмя углами! Да-да, с четырьмя! — с прискорбием повторил он. — В мое время никто бы и не подумал такое нарисовать. Дайте мне квадрат с пятью углами, с шестью, в крайнем случае с тремя! Вот это будет поиск, вызов, глубинный смысл! А квадрат с четырьмя углами — это не искусство, это геометрия. — Альмог тяжело вздохнул. — Этот молодой человек закапывает свой талант в землю, — печально подытожил он.

— А если его работы дарят людям радость? — Я и сама не заметила, как выступила вперед, отделившись от стены, с каковой до сих пор с таким успехом сливалась. — Если они красивы? Если тот, кто посещает эти картины, пусть ненадолго, но чувствует себя счастливым? По-моему, это дорогого стоит.

Лишь выпалив все это, я осознала, что следовало бы немного напрячься, ибо всеобщее внимание переключилось на меня. И напряглась.

— А что такое радость, девушка? — снисходительно осведомился Альмог. — И какое отношение она имеет к искусству?

— Адон Аялон прав, — подхватил постоянно следовавший за Альмогом художник. По возрасту он показался мне ровесником Брика. Светлые волосы были чуть длинноваты и оттого то и дело падали на глаза. — Красота — и вовсе понятие субъективное, а потому не может являться убедительным аргументом.

Я уже видела этого мужчину. Ему тоже была выделена часть этого зала, правда, совсем небольшая, а представляли его, кажется, как Дова Вайна.

— Совершенно верно, — удовлетворенно подтвердил седовласый оман. — Представление о красоте необъективно. К тому же в этом понятии тоже желательно

разбираться.

Намек на то, что я со своим лицом рассуждать о красоте точно не должна, казался мне очевидным. Впрочем, я могла и ошибиться, приписав художнику то, что додумала сама. В любом случае, напрямик он ничего оскорбительного в мой адрес не сказал, поэтому и ответить на выпад, если таковой присутствовал, было нельзя. Это не помешало мне ощутить, как заливаются красным щеки и кончики ушей.

— Понятие — субъективное, но картины нравятся слишком многим, чтобы на это можно было закрыть глаза, — не собиралась сдаваться я. — Достаточно посмотреть на тех, кто посещает выставки адона Брика и покупает его работы.

Альмог поморщился так, будто услышал самую большую глупость в своей жизни.

— Популярность среди обывателей значения не имеет, — убежденно заявил он. — Подлинных ценителей искусства, обладателей поистине тонкого вкуса очень мало. Художнику следует выбирать, охотится ли он за массовостью или же пишет шедевры, каковые сумеют оценить по достоинству не тысячи, а, возможно, лишь десятки. Но истинный оман всегда будет стремиться к последнему.

— Я совершенно согласен с адонем Аялоном, — снова вмешался Дов Вайн. По-моему, блондину очень нравилось демонстрировать, что ему позволено называть знаменитого художника по имени. — В свое время я тоже тянулся к более широкому и неоригинальному направлению. Но затем прислушался к советам мастера.

Повернув голову, я обнаружила поблизости неизвестно когда вернувшегося Брика. Тот остановился в стороне, по-прежнему давая понять, что с его точки зрения разговор исчерпан, но слушал внимательно и, кажется, наблюдал за мной значительно более пристально, чем за Альмогом. Я почувствовала себя неловко, к тому же дискуссия в любом случае зашла в тупик. Очень хотелось доказать свою правоту, но я промолчала. Люди все равно будут прислушиваться к знаменитому омани, а не к никому не известной ассистентке... И продолжают смотреть картины Итая Брика. Вот ведь парадокс.

Альмог наконец-то прошествовал дальше, толпа быстро рассосалась. Посетители разбрелись по залу. Брик возвратился к своим делам, заключавшимся главным образом в том, чтобы переговариваться то с одним, то с другим гостем. Я же потихоньку отступила обратно к стене.

Когда к нам приблизилась скромная, интеллигентного вида женщина средних лет, я была убеждена в том, что направляется она к омани, и страшно удивилась, когда женщина остановилась рядом со мной.

— Я только хотела сказать, — негромко, почти заговорщицким шепотом сообщила она, — что вы совершенно правы. Когда картины дарят радость, ничего важнее быть не может.

Огляделась по сторонам, будто проверяя, не мог ли ее подслушать Альмог, улыбнулась и прошествовала обратно, к центру зала.

В течение вечера еще несколько человек подходили ко мне приблизительно с теми же словами.

Из мастерской в кабинет я прошла как раз вовремя. Вовремя, чтобы не пропустить все самое интересное. Стоило мне оказаться на пороге, как Брик, наверняка еще не успевший отреагировать на мое появление, в сердцах запустил чернильницей в стену. К счастью, это была не «моя» стена, а противоположная, та, к которой он сидел лицом. Так что до меня

синие брызги не долетели. Но оценить внушительное пятно, образовавшееся напротив, я тем не менее сумела. Равно как и капли чернил, заляпавшие пол.

Зато художника собственная выходка несколько не смутила, как и масштабы нанесенного комнате ущерба. Он сидел, зло стиснув зубы и сжимая в руке лист бумаги. Судя по вскрытому конверту, лежавшему рядом, вспышку гнева вызвало чье-то письмо.

Не скрою, я так привыкла видеть Брика спокойным, невозмутимым, даже безразличным, что теперь впала в состояние ступора.

— Плебеи, — прошипел, так и не обращая на меня внимания, оман. — Не видят разницы между искусством и утюгом.

Я сглотнула. Мне было очень сложно представить себе человека, который не видит разницы между искусством и утюгом, хотя бы потому, что сама я, напротив, не находила ни одного мало-мальски серьезного сходства между этими двумя понятиями.

— А что случилось? — осторожно спросила я, приготовившись бежать в случае, если у работодателя под рукой обнаружится еще одна чернильница.

Брик медленно повернул ко мне затуманенный от гнева взор, но, к счастью, проявлений агрессии в мой адрес не последовало.

— Клиенты, — сквозь зубы процедил он. — Заказчики, чтоб их! Вот! От баронессы Миллер.

Художник уже начал протягивать мне письмо, но передумал и, разгладив лист, зачитал отрывок вслух:

— «Очень прошу вас нарисовать для меня костер. Пожалуйста, пришлите картину как можно скорее: близятся холода, а старый камин очень плохо обогревает мою малую гостиную».

Мои губы непроизвольно растянулись в улыбке, и я поспешила отвернуться — оман моего веселья явно не разделял. К счастью, к моей реакции он был невнимателен, так что и сотрясающихся от смеха плеч не заметил.

— Скоро я буду рисовать по сезонам, — сердито разглагольствовал он. — Зимой — костры и камины, летом — заснеженные аллеи, чтобы люди могли спастись от жары. Впрочем, нет, заснеженные аллеи пойдут в любое время года. В этих картинах станут хранить бутылки пива.

— Вы могли бы поставить это на поток и сделать хорошие деньги, — уже не скрывая улыбки, сообщила я. — Но если говорить серьезно, почему бы вам просто не отказать баронессе?

— Откажешь ей, как же, — проворчал Брик. По-моему, за время разговора он успел слегка успокоиться, так что судьба чернильницы прочие бьющиеся предметы не ожидала. — Эта баронесса — близкая родственница самой королевы.

— В таком случае — следует согласиться, — заявила я, усаживаясь за стол.

Художник в немом удивлении наблюдал за тем, как я, поставив сбоку запасную чернильницу, предварительно захваченную из шкафа, притянула к себе лист бумаги и вывела красивым витиеватым почерком с завитушками следующий текст:

Многоуважаемая баронесса!

Благодарю Вас за Ваш интерес к моему творчеству, чрезвычайно для меня лестный.

Ваш заказ очень важен, и я, безусловно, берусь его выполнить.

К моему великому сожалению, я предвижу небольшую задержку, поскольку в последнее время мне поступило больше заказов, чем обычно. Некоторые из них я, разумеется, отложу, чтобы заняться Вашей работой как можно раньше. Однако не все поручения реально отсрочить. К примеру, недавно я получил срочный заказ от герцога Нисана.

Оценив объем планируемых работ, могу с уверенностью написать, что уже к началу апреля, крайний срок — к середине, закончу Вашу картину.

Искренне Ваш,

Итай Брик

Заказ герцога выдумкой не был: хотя оман всегда лично принимал решения по подобным вопросам, я, в силу своих обязанностей, тоже была осведомлена о предстоящем поле деятельности.

Сперва Брик наблюдал за моими действиями с чрезвычайно сердитым видом. Еще бы, ведь я по собственной инициативе отвечала согласием на не понравившийся ему заказ. Да, он и сам не видел способа не согласиться, но одно дело, когда решение (пусть даже неизбежное) принимает сам художник, и другое — помощница, не имеющая подобных полномочий. Однако по мере того как на листе появлялись все новые строчки, выражение лица омана менялось. В конечном итоге брови изогнулись в легком удивлении, а в глазах появилась смешинка.

Выведя последнее слово, я возвратила перо на место и удовлетворенно просмотрела письмо.

— Вам остается поставить подпись.

Я произнесла это не категорично, конечно. Только Брику было решать, но он ухмыльнулся и практически не раздумывая потянулся за пером. Что и неудивительно: климат у нас теплый, так что в середине апреля никому даже в голову не придет греться у камина. И если обогреть гостиную — единственная цель, с которой сделала заказ баронесса, она сама откажется от этой идеи. Что нам — ну, то есть Брику — и требуется.

— Bravo! — отметил художник, и мне, разумеется, было приятно это слышать. — Раз так, у меня будет для тебя еще пара-тройка подобных дел. Хочешь кофе?

Этот переход от одной темы к другой оказался, мягко говоря, резким и застал меня врасплох. Поэтому я ответила односложно, не вникая в подробности системы отношений «подчиненный_работодатель» и ощущая неправильность происходящего лишь где-то на краю сознания:

— Да.

— Вот и хорошо. Мне лично он необходим.

И Брик вышел из кабинета, не оглядываясь ни на меня, ни на украшающее стену пятно. Должно быть, кабинет придется заново красить, но делать это предстоит никак не хозяину дома. И, к счастью, не мне.

Художник прошел напрямик на кухню. Прислуга уже ушла, так что он сам достал с верхней полки банку кофе, перекинул зерна в магическую кофеварку и поднес руку к приводящей ее в действие руне. Содержимое завертелось, забурлило, и десять секунд спустя к нашим услугам был готовый напиток. Точнее, почти готовый: добавлять (или не добавлять)

сахар и молоко каждому предстояло на свой вкус. Брик молока не брал совсем, да и сахара — пол-ложечки. Меня даже подмывало спросить, отчего он попросту не жует кофейные зерна, раз уж пренебрегает другими ингредиентами напитка. Но, конечно же, этот порыв я сдержала.

Налив кофе в свою чашку, оман предоставил мне наполнять свою, а сам прошел к столу.

— Вчера вечером ты выступила против Альмога Аялона, — заметил он, когда я взобралась на один из высоких стульев напротив. — Это было очень смело.

— Скорее глупо, — усмехнулась я, отпив кофе.

Брик эти слова никак не прокомментировал, продолжая сверлить меня своими красивыми карими глазами. То есть утверждение мое не оспорил, но и согласия не выразил.

— Почему ты так поступила? — поинтересовался он.

Я пожала плечами, надеясь отмолчаться, но не удалось.

— Речь шла о моих работах, — упорно продолжал Брик. — Ты знаешь меня совсем недавно; сказать, что у нас близкие отношения, нельзя никак. Что заставило тебя за меня вступить?

Как же они мне надоели с этими своими вопросами! Прямо мания какая-то: всем надо объяснять причины своих поступков.

— Я об этом особенно не задумывалась, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал так же бесстрастно, как у самого Брика. — Просто... как бы это сформулировать... Бывает так, что умные люди говорят умные вещи — и можно слушать до бесконечности. Бывает, что дураки несут такой бред, что на него даже внимания не обращаешь. А бывает так, что умный человек говорит полную чушь, но облекает ее в такую форму, что кажется, будто каждое слово на вес золота. И его слушают хотя бы просто потому, что все знают, насколько он умен. И вот в таких случаях кричать хочется.

Оман молчал, и по его лицу я никак не могла понять, считает ли он сказанное бессвязным бредом или же понял и согласился.

— Аялон — парень старой закалки, — промолвил наконец Брик, откидываясь на спинку стула. — У таких людей свой взгляд, и они будут держаться его, хоть весь мир рухнул.

— А тот молодой художник? — спросила я, радуясь, что разговор свернул со скользкой темы моих мотивов, а также стремясь заполнить пробел в собственных познаниях. — Дов Вейн, кажется?

Брик поморщился, будто увидел на столе недодавленное насекомое.

— Вайн, — поправил он. — Да, художник. Лет пять назад он написал отличную картину. Проявил себя как оман. Работа вышла действительно незаурядная. Потом была еще пара удачных картин, но попроще. А дальше — все, застой. Творческая регрессия, как будто и не было таланта. Такое бывает. Ничего по-настоящему стоящего он с тех пор не нарисовал. А поскольку мои работы стали появляться на выставках именно тогда, когда в его картинах стали разочаровываться... он винит в этом меня.

— Почему? — изумилась я. — Как бы вы могли повлиять на его талант?

Брик пожал плечами.

— Талант, по мнению Вайна, никуда не делся. Но он считает, что я перетянул к себе аудиторию. Переманил покупателей и что там еще... — Художник махнул рукой и отхлебнул приостывшего кофе. — Короче говоря, перебежал ему дорогу.

— Безумие какое-то, — фыркнула я. — Вы же не цветочники, открывшие лавки на одной улице.

— Ему это и объясни. — Брик подмигнул, намекая, что его слова не следует воспринимать буквально. — Хотя соперничество между художниками никто не отменял. У меня есть более важные дела, чем бегать за поклонниками Вайна и отвращать их от его рисунков... Но у него свое мнение по этому вопросу, и сложилось оно давно. Все же винить в своих несчастьях окружающих значительно проще, чем себя.

С этим утверждением трудно было поспорить, так что я не стала бы возражать, даже если бы нас не прервал звонок в дверь. Усиленный, как и обычно, при помощи магии, он резко ударил по ушам. Оман поморщился. Видимо, в большинстве случаев Брик слышал этот звук из мастерской, где он, несмотря на усиление, звучал более приглушенно.

— Откроешь? — спросил художник. И, когда я кивнула, добавил: — Если что, я буду в кабинете.

Отставив опустевшую чашку, он направился в рабочую часть дома, а я — открывать входную дверь.

На пороге стояла очень молодая девушка с густыми черными волосами, завитыми в тугие локоны, пухлыми губками и изрядным количеством макияжа на кукольном личике.

— Мне нужен Итай Брик, — требовательно, даже капризно сказала она, предварительно смерив меня оценивающим взглядом и явно заключив, что внимания моя персона не заслуживает.

— Как вас зовут? — спросила я, тоже не испытывая к девушке особой симпатии. — Что ему передать?

— Илана Матиас.

Кроме имени, она ничего не сказала, и я не сочла нужным расспрашивать. Отправилась в кабинет и сообщила оману, кто к нему пришел. Тот моментально вышел из-за стола, за которым только-только успел устроиться.

— Я буду занят некоторое время, — сообщил он. В ответ на мои приподнятые брови как будто смутился и сбивчиво объяснил: — Это натурщица, по делу. Надо... кое-что обсудить.

— Натурщица — к пейзажисту, — размеренно проговорила я после того, как Брик покинул кабинет. — И кого он будет с нее рисовать? Не иначе березку.

Только я успела вернуться к своему недопитому кофе, бросив недовольный взгляд в направлении спальни (да-да, «деловая дискуссия» с натурщицей проходила именно там), как по ушам ударил очередной звонок. Раздраженно оставив чашку (в привратники я вообще-то не нанималась), я отправилась открывать.

Сохранить внешнюю невозмутимость удалось с трудом. На пороге я увидела очередную молодую женщину, правда, на этот раз шатенку и точно не натурщицу. Слишком дорогая одежда, слишком ухоженное лицо. И макияжа в меру. Еще одна гостья к нашему художнику? И как бы объяснить ей, что он некоторым образом занят?

— Добрый день! — поздоровалась она.

Я вежливо ответила на приветствие, оттягивая момент непростых объяснений. А девушка вдруг улыбнулась и воскликнула, протягивая мне руку:

— А вы, наверное, Дана Ронен?

Стоит ли говорить, что ее слова немало меня удивили?

— Итай мне про вас рассказывал, — дружелюбно сообщила она, после чего поспешила представиться: — Я Нирит Агмон. Очень рада знакомству.

Даже странно, но она ни разу не скривилась при взгляде на меня, несмотря на то что мы

повстречались впервые. К тому же она явно принадлежала к категории тех зачастую изнеженных и капризных барышень, при обращении к которым следует употреблять слово «адонит». Кстати, и слово это она, представляясь, не использовала, будто мы стояли с ней на одной ступени социальной иерархии.

— Дана, — сказала я, отвечая на рукопожатие, и лишь потом сообразила, что представляться было глупо: она ведь уже знала, как меня зовут.

— Итай дома? — улыбаясь, спросила Нирит.

Робкая улыбка тут же сбежала с моего лица.

— Дома. Но он... занят.

Вот почему я ответила, что он дома? Откуда такое иррациональное стремление говорить правду? Что мне стоило просто заявить — дескать, адон Брик уехал к товарищу, — и дело с концом?

— Ничего страшного, я подожду, — весело откликнулась Нирит, явно пребывавшая в хорошем настроении.

Задерживать ее на пороге я не решилась. Во-первых, не умею проявлять жесткость по отношению к тем, кто по-хорошему ведет себя со мной. Во-вторых, было очевидно, что она здесь, мягко говоря, не впервые, место хорошо знает, а стало быть, кто я такая, чтобы ее не пускать?

Словом, в дом Нирит вошла, и теперь мне следовало срочно решать проблему ее возможной встречи с натурщицей. Если я стану невольной виновницей крупного скандала, Брик мне точно спасибо не скажет, да и самой доводить до подобного совершенно не хотелось. Равно как и расстраивать пришедшую в гости женщину.

— Дело в том, что у адона Брика важная встреча, — принялась вдохновенно мямлить я, глядя при этом куда угодно, но только не в глаза. — И неизвестно, сколько она продлится. Быть может, будет лучше, если вы оставите ему записку? Или устное сообщение через меня, я обещаю передать все слово в слово. А дальше он обязательно с вами свяжется, как только освободится.

— Может, я просто загляну к нему на секунду и спрошу, надолго ли это? — выдвинула собственную альтернативу шатенка.

Стоит ли объяснять, что такая инициатива меня не устроила? А главное, еще минимум два человека, находящиеся в этом доме, будут со мной в данном вопросе солидарны.

— Н-не стоит, — поспешила замотать головой я. — Мне кажется, там очень важный разговор, его нежелательно прерывать. А вам неудобно было бы вернуться через пару часов? Я думаю, к этому времени Итай уже освободится.

Имя омана как-то само собой соскользнуло с уст. Видимо, я неосознанно перехватила эстафету у гостьи.

Та же вдруг весело рассмеялась, словно в гостиной, до которой мы как раз успели дойти, мелодично зазвенел колокольчик.

— Кажется, я все поняла! — выдохнула затем Нирит. И, заговорщицки прищурившись, изложила суть своей догадки: — К нему пришла женщина, да? И он сейчас с ней.

Я прикусила губу и опустила глаза. Конспиратор из меня никакой, тут уж ничего не попишешь. Вот не дано, и все тут. Одна радость: Нирит продолжала улыбаться.

— Хорошенькая? Молодая? Модистка какая-нибудь, наверное? — пыталась угадать она.

— Натурщица, — призналась я.

— Натурщица! — Нирит протянула это слово с таким выражением, будто именно такое

предположение ей и следовало выдвинуть с самого начала. — Ну конечно. Они же его обожают.

Я наострила уши. Про «них» мне ничего известно не было, только про одну. Зато, к счастью, гостью вся эта информация нисколько не расстроила. Мое удивление по этому поводу, как и общее чувство неловкости, не ускользнуло от внимания Нирит.

— Боюсь, вы не вполне правильно расценили наши отношения с Итаем, — спешно пояснила она. — Мы не любовники, не жених с невестой, и вообще наше общение никак не напоминает то, что происходит сейчас... вероятно, в спальне? — лукаво прищурившись, выдвинула предположение она. Предположение, которое, как я отлично знала, было верным. — На самом деле мы с Итаем состоим в чисто дружеских отношениях. Ни намёка на что-либо иное. Так что эти натурщицы, — шатенка объединила всех приходящих и уходящих девиц Брика одним словом, — ни с какой стороны меня не беспокоят. Мы с ними не конкурентки.

Я глубоко выдохнула и радостно кивнула, вознося небу благодарность за то, что эта сложная, казалось бы, ситуация разрешилась в итоге так просто.

— Я только не хочу никого ставить в неловкое положение, — продолжала облегчать мне жизнь Нирит. — Поэтому будет лучше всего, если я подожду на кухне.

И это тоже было справедливо. Из спальни пара, скорее всего, выйдет в гостиную, после чего (если натурщица не надумает остаться на подольше), они смогут добраться до выхода, так и не повстречав нас по пути. Кстати, тот факт, что адонит по собственной инициативе, без малейших признаков брезгливости или пренебрежения усаживается за кухонный стол, представлялся мне ценным сам по себе.

Я налила гостю кофе, заново наполнила собственную чашку, и мы вполне неплохо посидели, ожидая появления Итая Брика. Порой наш разговор лился весьма непринужденно; иногда, напротив, наступали неловкие паузы, когда каждый из собеседников сосредоточенно искал, что бы еще сказать. Совершенно естественная ситуация для людей, общающихся впервые.

Думаю, художник догадался, кто пришел его навестить, по доносившимся из кухни голосам. Появился он, одетый, мягко говоря, по-домашнему: неофициальные брюки из мягкой материи, а сверху — ничего, кроме халата. Натурщица, по всей видимости, уже успела покинуть дом.

Поздоровались Нирит с Итаем очень тепло, она даже приподнялась со стула ему навстречу (чего этикет от женщины совершенно не требовал), а он поцеловал ее в щеку. Действительно по-дружески.

— Прости, что не смогла прийти на выставку, — заговорила гостя, пока я отчаянно гадала, уйти мне или остаться на случай, если у омана окажутся какие-нибудь распоряжения по работе. — Но я о ней слышана! — продолжила она после того, как Брик милостиво отмахнулся, дескать, подумаешь, не пришла, там ничего интересного и не было. — Особенно о впечатлениях Дова Вайна.

Она испытующе посмотрела на художника. Тот лишь равнодушно пожал плечами. Я же, напротив, очень хотела расспросить новую знакомую, что же такого понарасказывал после выставки Вайн, но не решилась вклиниваться в разговор. К счастью, девушка и сама не собиралась ограничиваться сказанным.

— Он утверждает, будто ты, Итай, вел себя совершенно по-хамски. Полностью игнорировал все, что говорил тебе Аялон, а потом и вовсе безо всякой причины развернулся

и ушел посреди адресованной тебе речи светила. Молодое дарование в лице Вайна в возмущении, светило в лице Аялона якобы тоже, равно как и все те, кто готов слушать Вайна всерьез.

— Что значит «без причины»? — Брик по-прежнему говорил бесстрастно, лишь немного поморщился. — Организаторы выставки обнаружили ошибку в каталоге. Там отсутствовала одна из моих картин, а между тем именно ее захотел купить какой-то аристократ. Из тех, кого не заставляют ждать. Вот тебе и причина.

— Но хотя бы вести себя повежливее ты не мог? — укоризненно спросила Нирит. — Извиниться, там, сказать этому светилу, что так, мол, и так, тебя ждут по неотложному делу? Оно тебе надо — все эти сплетни и осуждение?

— Мне? — Оман потянулся к чашке, но не обнаружил в ней ничего, кроме разве что легкого кофейного налета на самом дне. Гадать на кофейной гуще он явно не намеревался, поэтому разочарованно вздохнул. — Говоря откровенно, мне все равно. Разговаривать с Аялоном не имеет смысла, это уже давно известно и подтверждено практикой. Убедить его в чем бы то ни было нереально. Проще всего молчать и по возможности игнорировать, дабы не подбрасывать пищи для беседы. Он и так способен добрый час разговаривать сам с собой — ну, и со всеми, кто пожелает слушать. В ответ на предложенные тобой извинения я получил бы лекцию минут на сорок, а организаторы за это время повесились бы от ожидания. Их между тем я уважаю больше. Несмотря на весь тот вклад в искусство, который, вне всяких сомнений, был внесен Аялоном.

— Вот такой он, наш Итай Брик, — жизнерадостным тоном, но с грустью во взгляде констатировала, повернувшись ко мне, Нирит. — Совершенно не печется об общественном мнении. А общество, между прочим, такого не прощает.

— Не драматизируй, — посоветовал оман, несколько не обеспокоенный.

И, снова заглянув в пустую чашку, умоляюще посмотрел на меня.

— Дана, не сделаешь еще кофе?

Я уже собиралась встать, но меня остановила рука Нирит, которую она положила мне на предплечье.

— Дана — не прислуга и, как я понимаю, даже не секретарь, — заметила девушка. — Так что кофе в ее обязанности точно не входит. Тебе не мешало бы об этом помнить. — Последнее предложение, ясное дело, предназначалось Брику. Я же от шока и чувства неловкости вросла в собственный стул. — Зато я — девушка свободная, необходимостью работать не обремененная, — добавила Нирит, соскакивая со стула и подходя к кухонному шкафчику. — Так что вполне настроена на щедрость и готова сварить кофе всем троим.

В тот день у меня выдался довольно-таки длинный перерыв, и я выскочила в центр города. Зашла в лавку товаров для домашних животных. Долго выбирала между двумя поводками, к немалому неудовольствию торговца. Тот вообще встретил меня не слишком доброжелательно. При моей внешности подобное не редкость, но настроение на покупки он у меня все-таки отбил. К тому же и сделать выбор было сложно, и в итоге я ушла ни с чем. Хозяин лавки прошипел себе под нос что-то нелицеприятное. Подробностей я не расслышала, да особо и не пыталась.

А вечером я, как и обычно, пешком возвращалась к себе домой. Гильада, с которым мы успели встретиться уже несколько раз, в городе не было: он уехал в Ирбир по каким-то семейным делам. Так что после прогулки с Хахалем я не собиралась никуда выходить.

Заподозрить неладное следовало, еще когда впереди замаячили слишком яркие огни. Будто в нашем спальном районе устроили вечернее празднование. Я и забеспокоилась, но смутно, не подозревая пока, сколь серьезными последствиями эта странность может обернуться лично для меня. По мере моего приближения к дому свет становился все ярче, а гул голосов все сильнее. Вскоре я увидела толпу — много-много людей, знакомых и незнакомых, державших в руках зажженные факелы. Толпа шевелилась, чуть покачиваясь из стороны в сторону, но в целом бездействовала. До тех пор пока составлявшие ее горожане не завидели меня.

Я бы убежала, но поначалу ноги от страха и неожиданности приросли к земле, а дальше уже стало поздно. С воплями — вернее, даже не воплями, а с ревом! — толпа бросилась ко мне. Или на меня?

— Ведьма!

— Это она! Все она!

— Убийца!

— Проклятие Аяры!

Вот то небольшое, что можно было разобрать в общем гомоне.

Когда пальцы первого подбежавшего схватили меня за локоть, я вывернулась. Когда к ним присоединились пальцы второго и третьего, испугалась так, что завизжала. Ко мне тянулось все больше и больше рук, будто щупалец огромного чудовища, каковым, в сущности, и являлась беснующаяся толпа. У кричавших, бегущих, гневно сверкающих безумными глазами людей не было пола, не было имен, не было, казалось, хоть какой-то индивидуальности. В слепящем свете приблизившихся факелов все преследовали общую цель, будто обладали единым мозгом. Дотянуться, схватить, швырнуть на землю, растоптать. Может быть, разорвать на части. И, к своему ужасу, я отлично осознавала, что мишенью этих настроений была именно я.

Вопрос «почему» в голову не приходил. Он, безусловно, был актуален: одной моей внешности было недостаточно, в конце-то концов, я же не первый день и даже не первый год живу в этом городе. Однако когда на вас набрасывается одновременно с десятков человек, и, впиваясь ногтями в кожу, разрывают одежду, с силой тянут в противоположные стороны, становится не до вопросов. Тело и голова работают даже не на то, чтобы вырваться из потасовки, не на то, чтобы выйти из нее живой, а лишь на одно — хоть как-то продержаться. Следующую секунду. И следующую. И еще одну. Не захлебнуться в очередной людской волне, которая еще чуть-чуть — и накроет с головой. Устоять на ногах, чтобы не затоптали тяжелыми башмаками и высокими сапогами. Не задохнуться. Не потерять сознание, потому что в этом случае я и вовсе сама подпишу себе приговор.

— Проклятие нашего города!

— От нее все несчастья!

— Демоново отродье!

— Сжечь! Ее надо сжечь!

— Правильно! Как Дрор сторел, так пусть и она!

Эти выкрики доносились до ушей, но разума не достигали: тело уже было в царапинах и синяках, а теперь меня все-таки сбили с ног, протащили пару ярдов по земле, еще чуть-чуть — и грозили попросту затоптать. Вероятность дожить до обещанного огня была минимальной.

Внезапно ноги — а я сейчас видела только их — остановились. Толпа продолжала

колыхаться, но уже не продвигалась вперед. Кто-то подхватил меня под мышки и поставил на ноги. Поначалу сохранять равновесие было трудно, но меня придержали.

Вскоре круги перед глазами стали не такими яркими, и я смогла разглядеть городских стражей с мечами и копьями. Их было не слишком много — полагаю, не больше дюжины, — но пока они благополучно сдерживали толпу.

— Дамы и господа, уважаемые жители нашего города! — Это говорил Маркус Полег, старший судья Аяры. Невысокий и кругленький мужчина, на животе которого непонятно каким чудом застегивался жилет (застегнуть сюртук он даже не пытался), взобрался по ступенькам на порог ближайшего дома, чтобы его было лучше видно публике. — Сегодня днем в Аяре произошла трагедия, и я хочу принести свои соболезнования всем родственникам, друзьям и просто знакомым усопшего. Причастность присутствующей здесь Даны Ронен очевидна, и она безусловно будет наказана. — При этих словах толпа зашумела и снова покачнулась, стремясь двинуться вперед, но копья стражников выполняли свою функцию по сдерживанию. — Однако, — продолжал Полег, — у нас законопослушный город. Мы чтим королевские указы и не можем допустить линчевания. Поэтому завтра Дану Ронен будут судить в Тяжебном зале городской мэрии. В случае признания подсудимой виновной она будет приговорена к казни через повешение. Его величество, — Полег повысил голос, дабы перекрыть возмущенные восклицания, — считает сожжение варварским методом и потому запретил его на территории нашего королевства. Есть ли здесь желающие пойти против воли монарха?

Толпа притихла. Если желающие и присутствовали (в чем трудно было усомниться), в открытую заявлять о себе они не стремились. Меня взяли под руки и снова куда-то потащили. На сей раз — стражи порядка, но оптимизма это уже не внушало. Толпа следовала за нами, но не нарушала дистанцию. Очередные горожане то и дело присоединялись к шествию и спрашивали, что происходит. Благодаря ответам на их вопросы и я смогла хоть что-то понять в происходящем. Оказывается, вскоре после моего посещения лавки для животных дом, в котором она располагалась, сгорел. В пожаре погиб торговец, с которым мы тогда не слишком удачно пообщались; именно его, как выяснилось, и звали Дрором. Виновника, точнее, виновницу нашли быстро. Оказывается, лавочник успел пожаловаться кому-то из соседей на «страшную» посетительницу, которая покрутилась по его территории, так ничего и не купив, и наверняка обладала дурным глазом. Теперь обыватели спорили лишь о том, явился ли пожар следствием того самого дурного глаза, или же «ведьма» умышленно подожгла лавку.

Двигаясь в направлении ближайшего моста, мы уходили всё дальше от моего дома. Я пыталась оглядываться, но это замедляло шаг, и меня тут же подталкивали в спину, заставляя смотреть вперед.

— Пожалуйста! У меня собака дома осталась! — возвала я к одному из стражников. Тот никак не отреагировал, и я повернулась к другому. — Пес! Он ни в чем не виноват! С ним только погулять надо. И накормить.

Никто не реагировал, и на глаза навернулись слезы.

— Если мне нельзя задержаться, то можно хоть кого-нибудь отправить? Я ключ отдам! Прощу вас!

Меня начинало трясти, дыхание давно сбилось, слезы уже потекли по щекам, но никому из присутствующих не было дела ни до одинокой женщины, которую волокли на расправу, ни тем более до ее собаки.

Полчаса спустя, сидя на полу сырой камеры и невидяще глядя в застывшую за решеткой темноту, я тихо повторяла:

— У меня собака! Она ждет! Пожалуйста!

Все было именно так, как и положено в зале суда. Одинаковые невзрачные стулья для зрителей расставлены в дюжину рядов, которые в данный момент стремительно заполнялись. В центре возвышения — стул с витыми ручками и высокой спинкой, своеобразный трон, предназначенный для судьи. Он призван привносить атмосферу величественности, но эта атмосфера никак не вязалась с образом самого Полега, уже занявшего свое место. На круглом животе едва не трещал по швам все тот же жилет. Не снимает он его, что ли, от страха, опасаясь, что в следующий раз не застегнет? Или у него все жилеты одинаковые? Так или иначе, на «троне» Полег смотрелся совершенно неестественно, несмотря на серьезное выражение лица.

Слева от судейского места (если стоять к нему лицом) находился стол, предназначенный для обвинителя. Справа был второй, точно такой же, но для адвоката. Здесь же сидела и я, а у меня за спиной возвышался стражник, призванный следить, чтобы я не сбежала или кого-нибудь не поранила. Как он собирается оградить присутствующих от наведения порчи (уж если они полагают, что я на такое способна) — не знаю. Возможно, сам зал каким-то образом зачарован от подобных случаев.

Зрителей было так много, что места на всех не хватило. Некоторым позволили наблюдать за процессом стоя, других стража выпроводила за высокие двери. Полег привлек всеобщее внимание, звонко ударив по подставке церемониальным молотком. В зале наступила тишина.

— Слушается дело об убийстве лавочника Дрора Альдо, — зычным голосом объявил Полег. У нас, в маленьком городке, даже такие дела проходили по-простому, и судья сам выполнял те функции, которые в столице отводятся специально нанимаемым для этой цели помощникам. — Обвиняется геверет Дана Ронен, архитектор. Слово предоставляется прокурору.

«Дело об убийстве», — эхом отдалось в голове. Вариант несчастного случая даже не рассматривается. Они уже всё решили.

— Дамы и господа! — прокашлявшись, торжественно обратился к аудитории обвинитель. Значительно более подтянутый, чем судья, он тем не менее был чем-то неуловимо похож на последнего. — Гварим и гварот, адоним и адониет!^[2] Сегодня мы будем говорить о событиях, в высшей степени трагичных. Однако рассматриваемое дело чрезвычайно простое. Здесь все очевидно. Вчера днем, около половины третьего, обвиняемая Дана Ронен зашла в лавку покойного гевера Альдо. Что-то в их общении пошло не так. Возможно, ни в чем не повинный лавочник просто имел несчастье не понравиться геверет Ронен, а может быть, он нагрубил ей или завысил цену на товар. Точно мы этого, увы, не узнаем. Ясно другое. Покидая лавку, обвиняемая наложила на нее проклятие (заклинание, сглаз — нюансы в данном случае не важны). В результате в скором времени в доме вспыхнул пожар. Сгорело всё: и лавка с находившимися в ней товарами, и второй этаж, где располагались жилые помещения. Сам гевер Альдо погиб при пожаре.

Посмотрите на эту женщину, дамы и господа! — Рука прокурора обличительно вытянулась в мою сторону, и зрители послушно устремили на меня неприязненные по большей части взгляды. — Посмотрите на нее, и в том, что она ведьма, у вас не останется ни

малейших сомнений. Боги наградили ее лицом, которое служит предупреждением всем добропорядочным гражданам. Внешность ее выдает свою хозяйку и словно вопиет: держитесь от этой женщины подальше, ибо она опасна для общества! Злое колдовство Даны Ронен, ее дурной глаз уже не единожды причиняли вред честным и добропорядочным жителям Аяры. Однако вчера обвиняемая преступила последнюю черту, и чаша нашего терпения переполнилась! Гибель Дрора Альдо вынуждает нас действовать со всей возможной суровостью. Я обвиняю Дану Ронен в преднамеренном убийстве, совершенном с помощью колдовства, и требую приговорить ее к высшей мере наказания — смертной казни через повешение.

Чего-то подобного я и ожидала, но дыхание все равно на несколько мгновений перехватило.

— Протестую! — лениво протянул, поднимаясь, адвокат, до сих пор обменивавшийся со мной лишь несколькими словами. Мне даже имени его не сообщили. — Убийство могло быть непреднамеренным: вы ведь и сами упомянули дурной глаз.

И это все, что он мог сказать в мою защиту? Фарс. Все это судебное заседание — не более чем фарс. А присутствие адвоката — лишь соблюдение необходимых формальностей.

— Протест нелогичен, — парировал прокурор. — Сглазить можно вполне умышленно. Подобный вид сглаза также именуется порчей, и навести ее для ведьмы — пара пустяков.

— Глупости вы говорите! — не выдержав, вскочил с места Дорон. Я заметила бывшего начальника в зале еще раньше и недоумевала, каким ветром его сюда занесло. — Да Дана никогда в жизни такой ерундой заниматься не стала бы! И вреда она никому не причинила.

— Соблюдайте тишину! — Полег несколько раз постучал молоточком. — В случае повторного проявления неуважения к суду вам придется покинуть зал.

Дорон, что-то сердито бурча себе под нос, опустил на стул.

— В качестве свидетеля приглашается Биньямин Римон, — отчего-то чрезвычайно торжественным тоном объявил прокурор.

На возвышение поднялся мужчина, показавшийся мне смутно знакомым.

— Гевер Римон, — приступил к допросу обвинитель, — расскажите нам, где вы в данный момент работаете.

— На строительстве Дома музыки, — с характерным видом «охотно сотрудничающего с властями гражданина» ответил тот.

— Кем?

— Строителем.

Из зала раздался смешок: кто-то из зрителей оценил тривиальность ответа. Прокурор поспешил перейти к сути.

— Работала ли вместе с вами присутствующая здесь Дана Ронен?

— Ну, не то чтобы со мной... — протянул допрашиваемый, в котором я наконец признала страдальца-Бена.

— Скажем так: работала ли она на том же строительстве, что и вы? — скорректировал свой вопрос обвинитель.

— Да, — с облегчением кивнул свидетель.

— И что же произошло на стройке в день перед ее увольнением?

— Я уронил кирпич себе на ногу, — доверительно сообщил Бен.

На этот раз смешков было больше. Публика явно не отнеслась к событию как заслуживающему упоминания в зале суда.

— Какие слова вы при этом употребили? — предложил собственный вопрос какой-то шутник из аудитории, но его тут же призвали к порядку.

Прокурор же задал несколько иной вопрос.

— При каких обстоятельствах это случилось?

— Мимо проходила геверет Ронен. Присутствующая здесь, — добавил свидетель, заглядывая прокурору в глаза, дабы убедиться, что делает все правильно.

Тот подбадривающе кивнул.

— Может быть, она проходила мимо немного раньше или несколькими минутами позже? — уточнил он.

— Нет, аккурат когда я кирпич уронил, — мотнул головой Бен. — И еще посмотрела на меня так своими глазищами.

И он составил два круга при помощи больших и указательных пальцев, дабы изобразить мои органы зрения. Упомянутые органы стали при этом похожи на блюдца. Как «так» я могла на него посмотреть? Да никак я не смотрела, пока он не уронил тот самый кирпич и не заорал, привлекая к себе всеобщее внимание, не только мое.

— Скажите, а вам часто случается ронять себе на ногу кирпичи? — как бы между делом полюбопытствовал прокурор, вызвав в зале еще несколько смешков.

— Да никогда, — ударил себя в грудь Бен.

— То есть тот случай, когда мимо вас проходила геверет Ронен, был из ряда вон выходящим, — уточнил обвинитель.

— Ага. То есть так и есть, выходящим.

— Благодарю вас.

Прокурор с многозначительной улыбкой обвел глазами зал.

— Итак, несчастный случай произошел с этим человеком непосредственно тогда, когда на него посмотрела Дана Ронен. И, позволю себе предположить, явился результатом этого взгляда. Прощу вас, — приветливо обратился к адвокату он.

— У защиты нет вопросов, — откликнулся защитник.

Если бы в тот момент не решалась вся моя дальнейшая судьба, я бы, наверное, расхохоталась.

Далее последовали допросы других свидетелей, по своей сути сводившиеся к тому же, что и первый. Различные едва знакомые и даже совсем не знакомые мне люди рассказывали о неприятных событиях, произошедших с ними во время (либо вскоре после) появления на их горизонте Даны Ронен. Причем впечатление складывалось такое, что без участия вышеупомянутой геверет Ронен ничего подобного случиться буквально-таки не могло. Потом прокурор допросил некоего специалиста по сглазам, среди прочего подтвердившего, что сглаз может являться результатом умышленного колдовства злой ведьмы. Выступил, прослезившись, племянник покойного, который, впрочем, мало что мог сказать по существу вопроса. Ну и, конечно, не обошлось без соседок трагически скончавшегося торговца, видевших, как я выходила из лавки, и беседовавших после этого с Дрором.

Среди собравшихся в зале людей обнаружилось немало смутно знакомых лиц — кучера, лавочники, разносчики газет. Но доброжелательно настроены были, кажется, лишь двое: Дорон и Лилах, напряженно сжимавшая полукруглую ручку сумки. Остальных мое будущее в лучшем случае оставляло равнодушными. Я тщетно искала взглядом Гильада, как в спасительный якорь вцепившись в бесплодную надежду, что он прослышал о постигшем меня несчастье, вернулся и теперь сумеет что-нибудь предпринять. Увы, чудес не бывает. Он

был за сотни миль от Аяры, а даже если бы и вернулся, помочь мне все равно бы не сумел.

— Перед вынесением приговора обвиняемой традиционно предоставляется последнее слово, — зычно объявил Полег.

Лишь в этот момент я осознала: свидетелей защиты не будет вовсе. Как и самой защиты, собственно говоря, но это стало очевидно много раньше.

Я встала, набрала в грудь побольше воздуха. Что ж, будет вам последнее слово.

— Я знаю, что обладаю не самой привлекательной внешностью в королевстве, — начала я, четко выговаривая каждое слово.

По непонятной мне самой причине ничего похожего на мандраж не было. Я не испытывала той робости, которую с трудом преодолевала на недавней выставке. Может быть, потому что на сей раз я отлично понимала: терять уже нечего?

Уверенность в себе не смогли поколебать даже те немногочисленные смешки, что прозвучали сразу после моего первого утверждения.

— Да, я некрасива, — без малейшего смущения публично признала я, — но это не самый тяжкий грех из возможных. Иные красавицы способны принести больше бед, чем добрый десяток злых ведьм.

На сей раз смешков было больше, а несколько человек даже покосились на одну (и вправду весьма привлекательную) особу из зала.

— Я некрасива, — повысив голос, повторила я, — но это только моя беда. Никому из вас я не сделала ничего дурного. Я просто жила, училась, работала, стремилась удержаться на плаву. Я знала, что семейный очаг, само собой разумеющийся для большинства из вас, в моем случае недостижим, — и не питала напрасных иллюзий. Мне было нужно совсем немного: просто достойное существование. — Голос дрогнул, но не от страха, скорее с непривычки, и я глотнула воды из любезно предоставленного мне стакана. — Но с первого же дня моего пребывания в Аяре я столкнулась с неприязнью, презрением и даже ненавистью. Никому из вас я не причинила зла, но вы, — я обвела взглядом жаждущий крови зал, — не захотели видеть во мне ничего, кроме непривлекательного лица. Я никогда не крадала, не интриговала, не сплетничала за спиной, не предавала и не убивала. Тем более не колдовала: ровным счетом никаких магических способностей у меня не было и нет. Передо мной захлопывали двери, меня оскорбляли, не принимали на работу, увольняли, прогоняли прочь. И то, что происходит сегодня, — не более чем логическое завершение. Обвинить во всех грехах того, кто не вышел лицом, и оправдать таким образом собственную неприязнь гораздо легче, чем найти настоящего виновного. Вы можете приговорить и повесить меня — вас больше, сила на вашей стороне, и вы имеете такое право. Скорее всего, вы именно так и поступите. Вы можете сделать это, но когда-нибудь Небо станет вам судьей.

Дыхание стало частым и тяжелым. В горле пересохло, но повторно прикасаться к стакану я не спешила.

— Вы закончили? Отлично, — ничуть не изменившимся тоном уточнил Полег после того, как я вновь опустилась на свой стул. — Дамы и господа, суд принял решение. Обвиняемая Дана Ронен признается виновной в умышленном убийстве лавочника Дрора Альдо, совершенном при помощи темной ворожбы. Согласно законодательной системе Мамлахи она приговаривается к смертной казни через повешение. Исполнение приговора состоится завтра в одиннадцать часов утра на главной городской площади Аяры. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Церемониальный молоточек безжалостно ударил по ни в чем не повинной подставке.

Будто пробили в одиннадцатый раз городские часы или по мне прежде времени зазвонил колокол.

Свой приговор я выслушала с кривой улыбкой, ничего другого уже и не ожидая. Публика оживилась, большей частью довольная финалом представления, хотя я отчетливо расслышала, как охнула где-то сбоку Лилах. В голове почему-то крутилась дурацкая мысль: жаль, что этому предстоит произойти именно на главной площади. Там так уютно было кормить голубей, сидя на синей скамейке за памятником основателю города. Обида сжала сердце, и, будто выдавленный таким образом сок, на глазах выступили слезы. Неужели они не могли найти другое место, с каким у меня не было бы приятных ассоциаций?

А еще я подумала про Брика. Как-то он отреагирует, когда завтра в десять я не появлюсь на рабочем месте? Что подумает? Ах, да, я ведь и сегодня уже не появилась. Интересно, как он к этому отнесся? Разозлился? Или ему попросту все равно? Или он все-таки расстроился, хотя бы самую малость?.. Ну, хотя бы потому, что потерял хорошего специалиста?

— До исполнения приговора обвиненная будет находиться под арестом. Прошу стражу препроводить ее к месту заключения. На этом заседание суда окончено, — отчеканил Полег, ставя в моей судьбе жирную точку.

...Или многоточие?

— Не совсем так, — раздался громкий голос с противоположной стороны зала.

Как и многие другие, я вскинула голову, инстинктивно переводя взгляд к высоким дверям. Одна из створок была теперь распахнута, и в проеме стоял не кто иной, как... мой работодатель.

Не знаю, какое чувство я испытала в тот момент. Наверное, их было так много, что слово «замешательство» станет самой точной оценкой моего душевного состояния. Я просто не знала, что чувствовать: страх перед скорым будущим, безысходность, горечь, надежду... или банальное удивление. В последнем я была не одинока. Пожалуй, эту мою реакцию разделяла бóльшая часть аудитории. Итая Брика в городе знали, многие — в лицо, и столь неподобающее вмешательство в судебные дела с его стороны было воспринято весьма эмоционально.

— Простите, адон Брик?

Полег был подчеркнуто вежлив, но его почти сошедшиеся на переносице брови служили признаком неудовольствия.

— Я сказал, — отчетливо, как всегда спокойно и (несмотря на немалое расстояние) глядя судье в глаза, повторил художник, — что заседание еще не закончено.

Это спокойствие, такое привычное и неизменное, внезапно придало мне уверенности. Что-то в этом мире, почти рассыпавшемся прахом у моих ног, оставалось нерушимым, и это вселяло надежду даже в большей степени, чем произнесенные художником слова.

— Прошу прощения, господин оман, — в тон ему откликнулся Полег, — но, боюсь, вы слишком много на себя берете. При всем моем уважении вы не вправе определять ход судебного процесса. Тем более после того, как решение принято и должным образом озвучено.

— Сложность в том, что решение должно быть не только озвучено, но и *принято* должным образом, — парировал Брик, сделав акцент на слове «принято».

Судья побелел — не то от гнева, не то от напряжения. Вряд ли это мог заметить его оппонент, но я, сидевшая поблизости, заметила отлично.

— Адон Брик, вы испытываете мое терпение. По закону вы не имеете права

вмешиваться в решение суда.

Отзвуки его холодного голоса маленькими ледышками отскакивали от потолка, грозя поранить кого-нибудь из присутствующих. Акустика в Тяжебном зале была безупречная.

— Я — не имею, — без малейших колебаний согласился Брик. — Но он — да.

Художник шагнул в зал, одновременно отступая немного в сторону, чтобы позволить еще одному человеку пройти через открытые лишь наполовину двери. Вновь прибывший мужчина лет сорока был высок и широк в плечах, при этом вид имел аккуратный: одежда свежеевыглажена, темные волосы тщательно причесаны.

— Алон Моран, — представился он, обращаясь в первую очередь к Полегу, но и ко всему залу тоже. — Судья первой степени, седьмой в Королевском списке.

Я видела спутника Брика впервые, но, даже если бы произнесенные слова ничего мне не сказали, достаточно было посмотреть на его изменившегося в лице коллегу. Однако я хорошо знала, что означают перечисленные им звания. Степень судьи обозначала уровень серьезности дел, по которым он вправе был выносить решения, а также территорию, в пределах которой он мог работать. К примеру, Полег со своей третьей степенью был ограничен провинцией. Первая же — высшая — степень вновь прибывшего позволяла выносить решения по сложнейшим и серьезнейшим делам в самой столице. Причем серьезнейшие дела включали в себя шпионаж и государственную измену. Список судий, на который ссылался Алон Моран, также многое значил. Люди, наделенные правом вершить суд, были перечислены в нем в порядке своей значимости. Первым в этом списке шел король, второй — королева, третьим — наследный принц. И лишь затем значились профессиональные судьи. В список регулярно вносились изменения. Судя по сказанному, на данный момент спутник Брика шел там одним из первых после членов королевской семьи.

— Р-рад вас приветствовать, — заикаясь, произнес Полег, ни малейшей радости в связи с таким вмешательством не испытывавший.

— Известно ли вам, адон Маркус Полег, что мои полномочия позволяют отменить принятое вами решение в случае, если я сочту его недостаточно компетентным?

Тон Морана был преисполнен власти, и, несмотря на то что он был существенно моложе своего коллеги, сомнений, что последний сдастся, не возникало.

— Известно, — склонил голову раскрасневшийся судья.

— Знаете ли вы, — продолжил спутник Брика, — что я имею право провести повторное рассмотрение даже закрытого дела?

— Да.

— И что в случае обнаруженных нарушений я имею право отойти от протокола и принять в ходе слушания более активное участие, чем традиционно принято для судьи? — продолжал настаивать Моран.

— Да.

Полег, окончательно униженный, отвел взгляд.

— Прекрасно, — небрежно, будто речь шла всего лишь о погоде, откликнулся Моран. После чего заявил: — В таком случае будьте любезны уступить мне свое место.

Полег сжал губы, ненадолго задержал дыхание, а затем покорно спустился с возвышения, предоставляя ирбирскому коллеге узурпировать «трон».

— А... нам что делать? — с неожиданно подобострастной улыбкой обратился к новому судье прокурор.

— Оставаться на своих местах, разумеется, — с насмешкой отвечивал Моран. —

Обвинитель и защитник — неперенные фигуры на любом судебном заседании.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Адон — господин, адонит — госпожа. Эти обращения используются при общении с аристократами либо людьми простого происхождения, занимающими высокое положение в обществе. По отношению к остальным употребляются обращения «гевер» (к мужчине) и «геверет» (к женщине).

Множественное число от гевер, геверет, адон и адонит.